

Ольга Николь Каменская

ЭКЛЕКТИКА

Ольга Каменская

Эклектика

«Издательские решения»

Каменская О. Н.

Эклектика / О. Н. Каменская — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-966605-5

«Эклектика» — удивительный роман, создан на основе реальных событий. Криминальная детективная история, полная романтики и необычной развязки. Девушка Ольга, лейтенант юстиции и одновременно топ-менеджер продюсерского центра небольшой телекомпании, попадает в историю, связанную с одним из авторитетных воров в законе. В этот же период встречает, кажется, совершенно странную знакомую, которая пришла из далекого прошлого и благодаря которой весь пазл сложится. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-966605-5

© Каменская О. Н.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	28
Глава 8	32
Глава 9	37
Глава 10	41
Глава 11	46
Глава 12	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Эклектика

Ольга Николь Каменская

© Ольга Николь Каменская, 2019

ISBN 978-5-4496-6605-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1

Глава 1

День с утра задался странный. И даже не сказать, что плохой, но состояние де жа вю, постоянно присутствовало.

Проснулась я, в прекрасном настроении. Сон, может, и желал лучшего, но меня устраивал. Очень люблю животных. Они такие мягкие, теплые и пушистые, что хочется тискать их в объятиях как маленьких детей. Детей, кстати, тоже люблю! И они меня обожают. Вот и сегодня с утра, позвонила моя соседка, попросила прогуляться, коли уж выходная, с ее дочерью на Савеловский купить сотовый телефон. Девчонка первые деньги получила в Макдональдсе, первая работа, шестнадцать лет. Решила потратить себе на хороший мобильник с сенсором и со всеми крутяшками. Да, так и сказала:

– Оль, очень хочу прибаббахи. Память большую, интернет, диктофон, блютуз, навигатор.

Я смотрела на эту малявку, и мысленно уже представляла, какой будет день. Нет, я, конечно, понимаю, огромные желания ребенка, и особенно, когда первая зарплата, никчемная к тому же, а мать денег категорически решила не добавлять. Самостоятельность, так до конца!

– Малыш, память дополнительной флешкой увеличить можно. А навигатор тебе зачем? В Маке туалет искать?

– Взрослая, а не понимаешь! В Москве без навигатора заблудишься.

– Действительно! Как же мы жили раньше без всего этого? И мобильных не было, прикинь! А тебе куда ходить-то?

Я уже смеялась. Кира, оказалась забавной девчонкой. Синяя шапочка, натянутая лишь на макушку, открывала взъерошенные шоколадные волосы средней длины. Куртка красная, с эмблемой кролика из плейбоя. Черные кроссы с разными шнурками. Ядовито салатовый и розовый. Какие-то черные штаны, которые явно ей великоваты, но уникальный стиль этой девчонки, ни за что не опротестовать. Да и не нужно, самовыражение, даже в таких мелочах, я всегда приветствовала.

– Оль, хватит нам денег?

– Сколько у тебя?

– Шесть с половиной, но я бы хотела тысячу себе на вкусняшки оставить.

– Хватит, наверное, —я решила об этом не думать, у меня самой первый выходной за последние десять дней. Так уж получилось, что, устроившись нелегально на вторую работу, она отняла все личное пространство. Но я, ни о чем не жалела. И та, и другая, работа мне нравилась. Собственно, подумала, что добавлю девчонке, чтобы ни она сама, и не тем более, ее мать не догадались. Первая проболтается, вторая, возможно, обвинит в нарушении воспитательного процесса своей дочери. Виноватой мне быть не хотелось.

В метро полно народу, а ведь далеко не восемь утра, что всегда задумывалась: Работает ли вообще кто в Москве, или только и делают, что встречаются? Встречи, встречи. Их увидишь в любом кафе, на площади, у памятников, у арок торговых центров, даже в центре зала любой станции метро. Если, конечно, быть наблюдательным. Ну, и соответственно, если ты едешь не с крайней станции, а тем более кольцевой, то в такие бессрочные часы пик, места будут абсолютно все заняты.

Кира, по сравнению со мной, высокая девочка. Метр шестьдесят два, это не мои метр пятьдесят восемь, именно поэтому я очень люблю ходить на каблуках. Не шупаешь людей, в качестве страховки, до верхнего поручня спокойно достанешь. У меня каждая обувь, не без сего атрибута, даже зимняя, что на работе женщины завидовали. Их вес и телосложение, позволяло приобретать себе обувь только с плоской рифленой подошвой. И, слава богу!

Я однажды одну такую тетечку, поднимала со льда, на своих пятисантиметровых. Она решила меня обогнать, торопилась на службу. Поскользнулись, грохнулись, передо мной, сразу все сто двадцать килограмм. Пройти мимо не могу, все-таки мой сотрудник, а попытавшись поднять, сама чуть не села там же вместе с ней.

Я мысленно просила небо, чтобы хоть кто из мужчин, прошел мимо, поднять это тело, охающее у моих ног. Вместе с шапкой слез парик, женщина вместо того, чтобы одернуть задравшееся пальто, оголив серые панталоны, в первую очередь прихорашивала эти искусственные волосы.

– Ольга Александровна, спасибо, спасибо! Только не говорите, что я в таком виде оказалась.

Тогда я, от нагрузки несоответствующей весовой категории, соображала, что она имела в виду? Толи что упала, толи что парик? Хотя, как можно не заметить парик? Они же отличаются от своих настоящих волос? Во всяком случае, этот похож был на причесон гейши.

Метро я никогда не любила, шум и гул, если едешь на длительное расстояние, то первое время раскалывалась голова. Начинала мечтать, что доживем до момента, когда будут летать флипперы. Из-за дискомфорта метро, предпочитаю верхний транспорт, и не правда, что в метро пробок не бывает. Еще какие. Из людей на эскалаторах. Один раз я засекала, провела ровно восемь минут подъема, потому что работала только одна линия наверх. Я тогда вышла счастливая, что вот оно, мое небо и воздух, наконец. В этот раз ехать до Савеловской совсем ничего от Проспекта Мира, но один поезд пришлось пропустить. Переполненный, как сосиска в тесте, умчался без нас с Кирой.

– Хочешь, еще один пропустим?

– Ну, нет! Лучше быстрее выйти из подземки, сейчас толпа еще привалит. – ответила я подростку.

Шестнадцать лет, это в принципе уже девушка, но тот человечек, что стоял рядом, далек от моего представления о девушках. Больше смахивала на мальчишку, только с длинными волосами. Я сама была именно такой в ее возрасте, поэтому прекрасно понимала любое ее поведение, жест, прищуренный взгляд. Им кажется, они божественно симпатичны, и любой парень или девчонка падет у их ног.

Правда, пока падали только у моих. Парень оттолкнул меня, влетел в вагон, дверь перед моим носом закрылась, а стоящая рядом девушка, отшатнувшись от движущегося состава, упала, схватив меня за ногу как за поручень. Нас подхватили два парня, удерживая, чтобы не улетели вниз на рельсы. Кира уехала в том самом вагоне, где мое место занял тот прыгучий олимпийский резервник.

– Спасибо, ребят!

Девушка, что шлепнулась, хохотала с подружками. Возможно, это шоковая реакция на произошедший инцидент, но меня сейчас волновала моя маленькая соседка. Хоть бы догадалась ожидать меня в зале Савеловского, а не выходить в город!

Подъехал очередной поезд, и как специально, вагон почти свободен. Лучше бы я согласилась на предложение Киры, дожидаться его.

Стараясь отвлечься от тревожных мыслей о Кире, я вспоминала сон. Зоопарк, либо заповедник, где я прогуливалась по зеленой аллее, и было желание оттуда уйти. Что должно заставить, покинуть прекрасное место? Вот и я задумалась в этом сне об этом, и, оглядевшись кругом, увидела ее. Черная пантера, лежала спокойно себе под кустами акации, не сводила с меня хищных, почему-то синих глаз, и виляла хвостом. Бежать я не смела, но чувствовала, что сейчас, вот уже, готовится к прыжку. Не просто так же хвостом машет. Впереди решетка на ту самую свободу, улицу, где мое спасение, но перелезть мне нереально. Я нашла выход. Слева построенный загон для зверя, я обогнула его. Увидела калитку. Нормальная такая калитка, и счастье, не заперта. Я спаслась. Мне так показалось.

На траве у калитки, уже за пределами зоосада, трое котят. Рыжие, с чуть обозначившимися пятнами, дитеныши леопарда. Мне не остается ничего, как отдельно каждого занести за калитку внутрь. На меня, из-за загона, который я только недавно прошла, как ни в чем не бывало, смотрел рыжий, их папа.

Двери открылись. Выхожу из вагона. Кира меня увидела, помахала руками. Разглядывала карту метро на рекламном столбе в центре зала.

– Ты меня напугала. Уехала без меня.

– Не я же защитить себя не могу. Но, не переживай! Я этому парню все ноги оттоптала.

– Специально что ли? – засмеялась я на ее мстительную выходку.

– А то!

Толпа поднималась долго по эскалатору, затем разбредясь по выходам вправо-влево, большая часть, как и мы, повернула направо в сторону Савеловского рынка. Если бы непостоянная грязь в этом переходе, он был бы довольно уютным, несмотря на тех подозрительных людей, кто продает единичные телефоны прямо в коридоре тоннеля. Реклама с плакатами Севары, или Гришковца, кажется, меняют лишь даты выступлений. Честно, не сильно заморачивалась, этим вопросом. Со своим графиком, выбрать бы время для нормального графика поесть, что говорить о концертах, хотя понимала, это плохо. Отдыхать нужно.

До поворота на сам рынок, проходя платформу, все услышали крик. Мужской дикий крик, и следом топот не одних ног. Кто-то крикнул из толпы, находясь ближе к платформе:

– Там кровь. Кровь. Скорая нужна.

Я остановилась. Толпа быстро проходила мимо, будто ничего не произошло. Кира заметила, что я отстала.

– Оля?

– Кира, ты будь там, в этом коридоре рынка. Никуда не уходи, без меня ничего не покупай. Просто смотри свои гаджеты. Я сейчас.

Девчонка мне кивнула, для нее было даже в кайф, самостоятельно поискать варианты понравившегося, не имея представления об их стоимости.

Я поднялась на платформу.

Мужчина в светлой рубашке кричал бессвязно. Двое в черном, его под руки, тащили через рельсы уже на очередную платформу.

О, небо! Я поняла, что случилось, но не могла сообразить, чем и как? Штаны у пострадавшего полуспущены и все в крови. Его член огромным синим пятном, свисал на каких-то,

еще не оторванных тканях промежности. Помощь моя, ему точно, была не нужна. Его унесли далеко, к огромной желтой машине с синими полосками.

Справа, опять же поднимаясь на платформу с рельс, появляется человек, не ожидая препятствия в виде меня, спотыкается о свой, собственный бутс, падает у моих ног.

Девушка. В черном кожаном жилете, серая футболка. Черные штаны. Короткие черные волосы торчали во все стороны, будто специально так уложены.

Я сразу заметила ее тату в виде пантеры, и глаза. Она смотрела на меня, не отрывая взгляд, даже когда очередные двое омоновца ее уводили, предварительно надев на нее наручники.

Глаза. Большие синие глаза. Этот цвет забыть невозможно. Он не голубой, не приближенный к синему небу, он чисто синий. Такие глаза я видела один раз в жизни, лет в двенадцать.

Глава 2

Странности прошлого дня продолжились и на следующий день. С утра чуть не проспала на электричку. Одна из моих, скажем так, основных работ, была служба в Юстиции. Моя задача, как клинического психолога, состояла в выяснении причин поступков граждан под следствием, и предотвращение суицида внутри изолятора. Иногда приходилось работать на территории ИК, но это не было моей прямой обязанностью, хотя отказ не принимался.

– Ольга Александровна! В первую очередь вы офицер, а уже потом, как вас там, доктор-психолог! – говорил начальник кадрового отдела.

Вообще, странный тип. Я всегда думала, что он такой душка. Тихий, спокойный, от женщин шарахается. Как-то шли по коридору, с нашим бухгалтером Ниной Васильевной, и выходит из кабинета наш Игорь Павлович. Увидел нас и снова спрятался в кабинете. В другой раз, на новогоднем корпоративном вечере. Все без формы, красивые и блестящие, в мишуре. Девчонки с охраны выпили. Шумной толпой, по тому же коридору, вниз на улицу хотели, начальник кадров в коридоре стоит с папками. Видимость создает, что работы много и не до влияния в коллектив, прижался к стене, будто на него не женский пьяный состав охраны идет, а бульдозер неадекватных зеков.

Это уже потом, кто-то проговорился, что дома он тиран, и даже бьет жену и детей. Долго не верила, пока его жена однажды не пришла ко мне на прием, сама, так чтобы муж не знал.

Но надо отдать ему должное. Свои единицы состава пополнения штата выполнял всеми возможными способами. За меня просил докторов пропускной комиссии, чтобы они мне мой рост прибавили хотя бы на три сантиметра. Странная политика не брать на работу с ростом ниже ста шестидесяти. Хорошо, что весовых планок не ставили, а то пришлось бы меня откармливать. Вес еле доходил до пятидесяти.

Я, правда, полгода ходила без формы, потому что моего размера формы не нашлось, а наша служба обеспечения не была такой ответственной, как Игорь Павлович.

Как попала полковнику на глаза, в своем черном коротком пальто, так сразу и форма нашлась. Ушивали для меня девчонки из охраны, так как из меня портниха еще та.

Минусов в моей работе было много, вернее, в службе. В первую очередь я же старлей, но вот внутрь колонии без сопровождения мужчин не зайти. Ты будешь стоять час на контрольном пропускном пункте, ксива при тебе, но пока мужчина, хоть какой-то сержант, прапорщик, не обязательно офицер, даже гражданский мужчина, за тебя не распишется, ты в зону не зайдешь.

Всегда возникал в моей голове вопрос: А, за что он расписывается? Он должен отвечать за меня? Он расписался, вошел, а дальше наши пути расходятся. Он через пять минут может выйти из зоны, а я, или кто другой, из работающих женщин, остались.

К неоправданным внутренним законам колонии если я начинала привыкать, то работа в следственном изоляторе для меня оказалось морально тяжелее. Чаще всего ко мне попадали люди с разбитыми носами, синими лицами, и мне казалось, отбитым мозгом.

Схожу с электрички, наш автобус переполненный, ожидал меня, зная о приходе поезда. Сходу мне, начальник медицинской службы, Вадим Абрамович:

– Ольга Александровна, у нас сегодня поступления. Вы поняли, о чем? Зайдите к Зинаиде Федоровне, прежде чем нас посетить.

Это было грустно. Я сразу представила, что мое стояние на КПП, отнимет у меня время, а так нужно в три уже быть на моей другой работе в Москве. Конечно, я понимала, о чем мне говорит майор Карпович. Всех медицинских работников не так давно, раз аттестовали. Это не значит убрали их квалификации, а просто сменили статус кво. Сделали гражданскими.

Этой участи избежал лишь Вадим Абрамович сам, как начальник, и каким-то образом рентгенолог. Но, так как второй, попивал выписанный для рентгенологического кабинета спирт, причем семидесятиградусный, то наркотические препараты, ответственность, хранение, выдача в МСЧ, оказалась моей привилегией, хотя к медицинской службе прямого отношения я не имела. С точки зрения, а маразм крепчал, всего высшего состава, мне в зоне выделили кабинет в этой самой МСЧ, чтобы хоть не оставаться где-то одной с заключенными мужчинами.

Да. Это мужская колония общего режима, хотя при ней помимо штаба, была небольшая колония поселения и следственный изолятор, где не было ограничения по половому признаку.

Автобус подъехал на территорию штаба. Народ стал вываливаться из пазика, и тут одна из женщин вскрикнула.

Молодой мужчина, около двадцати шести пал перед ней на колени. Собственно, пал на колени этот товарищ перед всеми, но получилось, что эта женщина на пути оказалась доступнее. Схватил ее за края балоньего пальто.

– Пожалуйста! Умоляю! Пустите меня обратно. Я не знаю, что делать на воле.

Наши гражданские женщины, с сожалением, даже одна расплакалась от умиления, обступили мужчину. Парень, хорошенько пропитался вчерашним спиртным.

Вадим Абрамович, растолкал толпу женщин, объяснил всем:

– Расходитесь, товарищи дамы. Вчера выпустили. Пропил все деньги, выданные по выходу из колонии, погулял на воле. Назад просится. Так бывает. Тут же их кормят, одевают, ни о чем думать не надо. Ты же Мчедлешвили?

– Да. Товарищ майор, пожалуйста! Я там внутри пригожусь.

– Значит так, Мудашвили. Иди-ка, ты отсюда. Домой. Домой к маме езжай.

– Не на что! – парень заплакал.

Я решила быстро свалить с этого шоу, чтобы не дай господи, этого человека не привели ко мне решать его проблемы. Что-то слышала, как майор Карпович распорядился бухгалтерше, чтобы она посмотрела билеты до Сызрани, и стоимость сего. А печальный образ неудачного свободолюбивца, попросил ожидать в штабе, в приемной начальника колонии.

Через пару часов я шла с наркотиками в кармане по территории зоны. Дорога выложена деревянными досками, асфальтом тут и не пахнет, только на пространстве между столовой, церковью и тюрьмой. Да. Внутри зоны имеет место быть тюрьма. Это такое место, куда осужденных закрывают за нарушения, и они находятся в замкнутом пространстве не менее пятнадцати суток, порой больше. Окошек в их камере нет. Удобств нет. На прогулки они не выходят. Душ посещают раз в неделю под конвоем.

Справа от меня большой бетонный забор с колючей проволокой, за которым тот самый периметр, где кинологи прогуливаются с собаками. За периметром, еще один высокий такой же бетонный забор, все с той же колючей проволокой, свернутой в огромные кольца, ограждает этот город запретов от города свободы. А на каждом десятке метров вышка, на котором чаще всего увидишь девочку с винтовкой. Всегда думала, они с автоматами, но один раз, присутствовала на стрельбище, и кроме винтовок оружия нет.

Навстречу попались пару осужденных в черной форме, поздоровались. Тут все друг о друге знают. Даже если ко мне, попадали редкий случай суицидники, что пытались именно здесь, внутри, совершить акт смерти, то все равно я была заметной фигурой для любого населения этого города.

– Ольга Александровна! К вам придут!

Быстро шепотом мне сообщил регистратор Вадим. Пронесся так же быстро с карточками, как и сообщил новость. Мне показалось, что маневр с картами, был импровизацией для моего предупреждения, и именно благодаря такой осторожности, я интуитивно поняла о ком речь. На зоне очень не любят, когда информация идет против авторитетов.

Вадим, хоть и регистратор, но тоже осужденный.

Для меня была загадка, почему вдруг он решил меня предупредить о приходе ко мне этих главных, что держат свои законы. Я ни каким образом с регистратором не пересекалась. Я не относилась к медицинской части. Выделение мне кабинета, именно тут, по мнению выше, должно быть моей безопасностью.

Ну, о какой безопасности могла идти речь? В кармане наркотики, в кабинете сейф для их хранения.

Снимая печать с кабинета, и открывая его, я почувствовала, как позади меня остановились. Они закрыли своей тенью мне пространство белой двери.

Я спокойно открыла дверь, кладу ключ, туда же в карман. Оборачиваюсь на мужчин.

– Я знала, что вы придете! Проходите!

Я вошла в кабинет, снимаю пальто, вешаю на спинку стула. Не решилась повесить в шкаф. Сажусь за стол. Смотрю, как в недоумении, от того, что я кем-то предупреждена, а они не в курсе об этом информаторе, топчутся у стола.

– Садитесь, что стоите?

– Мы уже сидим!

Я пожалела, что ранее не навела справки о том, кто является в лагере авторитетом, я не знала, как к ним обращаться.

– Извините, я забыла! Присаживайтесь!

Они сели на два из трех свободных стульев, напротив. И зачем мне столько стульев, посетителей обычно один, все остальные, как майор Карпович, да еще Роза Хафизовна, санитарный врач колонии, обычно зовут пообщаться в свой кабинет. На этот раз стулья пригодились.

Я сидела, молчала. Ждала, что скажут. Они решили меня посетить за полгода моей службы! Вот интересно, зачем им это нужно, и раньше то, что не пришли?

Крепкий, симпатичный такой, лет тридцати, встал и закрыл дверь. Я молчала. Я понимала причину этого, кабинет находится напротив лестничного проема, где стояли по очереди дневальные. Любопытные взоры действия, происходящего в моем кабинете, этим товарищам были не нужны.

– Кто?

– Просто знала!

– Я Андрей! Решили прийти познакомиться и сообщить, что в случае чего, можете спокойно дать знать, если с вами здесь что-то произойдет. – разорвал молчание мужчина, что не двинулся с места.

– Что? – я не верила своим ушам, я поражена их странным предупреждением.

– Всякое может случиться!

– Так. Стоп. Я понимаю ваше желание меня оберегать, но за полгода, я как-то жила без вас здесь, и вполне справляюсь, чтобы цыганской почтой кричать Андрей помощи!

– Ольга Александровна! Вам достаточно сообщить любому дневальному, или санитару, регистратору.

Я не знала, что ответить, на мое счастье, в кабинет постучали, и без ожидания ответа, открылась дверь. Начальник МСЧ, собственной персоной. Значит, уже доложили ему о моих гостях.

Сделал импровизированное удивленное лицо, обращаясь к авторитетам.

– Вы, что здесь? Вас вызывали?

– Мы уже уходим! – мужчины поднялись, медленной походкой вышли из моего кабинета.

– Ольга Александровна, все нормально?

– Да, все отлично!

– Там тебя ждут в СИЗО. Женщина странная, психиатр отклонений не нашел. И, теперь жди сюрпризов.

Майор закрыл дверь. Я осталась одна. По инерции вытащила наркотики, убрала в сейф.

Я понимала, что сегодня в зону уже не пойду, время мое поджимало, а надо еще в СИЗО узнать, что за пациентка такая, в чем странность.

И, вообще, сегодня день одних сюрпризов, а все началось с моего согласия, помочь выбрать гаджет маленькой соседке Кире.

Глава 3

В здание изолятора зайти намного проще, чем в зону. Да, собственно, это было похоже больше на проходной двор. Помимо сотрудников полицейских, здесь постоянно толпились родственники, знакомые, и даже незнакомые тех, кто сюда попал в досудебном порядке. Сам изолятор располагался на цокольном этаже, хотя с улицы, можно запросто сказать, что здание двухэтажное.

Я сразу встретила Зинаиду Федоровну. Местный фармаколог, заведующая аптекой на территории штаба ИК.

– Ольга Александровна, здравствуй еще раз.

Очень пожилая женщина под восемьдесят, маленькая, милая и, слишком добрая. Зная ее полгода, из которых, два месяца приходилось тесно контактировать из-за наркотиков, понимала, что это редкий человек. За все пятьдесят лет службы в колонии, она ни разу не ожесточилась, ни на ту, либо другую сторону существующих в ИК. Это сейчас о заключенных и аттестованных сотрудниках. В данном случае, неизвестно кто опаснее. Пользуясь, своим высоким положением и званием, многие сотрудники могли себе позволить по отношению к младшему составу, той же девочке-охраннику, очень жестокие поступки.

– Рада Вас встретить. Вы уже домой?

– Нет. Нет. Там братия прислала гуманитарку, два мешка. Надо сейчас все распределить. Списков нет. Может, зайдете? Чай вместе выпьем? Поможете мне.

– Зайду, обязательно. Только уже не сегодня. У меня тут еще дела, потом в Москву. Завтра зайду часов в двенадцать.

– О, хорошо! Я тогда вам что-нибудь вкусное приготовлю. – Зинаида Федоровна погладила меня по руке и вышла на улицу.

Я улыбнулась. Помню, как эта женщина впервые увидела меня, и решила, что мне пора поправиться. Как бабушки обычно заботятся о своих внуках, так и она взяла надо мной шефство. Вначале, постоянно привозила мне всякие соленья и варенья, пока я не сказала, что дома еще не открытые ее банки стоят. Тогда она по случаю, начала меня у себя угощать всякими пирожными и пирожками, слава небу, что мне не каждый день приходилось к ней ходить в аптеку.

Аптека, сказано было громко. Отдельно стоящее маленькое здания в две комнаты. Одна отдана под склад. Чаше лекарства выписываются из Управления Юстиции, и приходят в запечатанных коробках. Реже, но также регулярно, поступает в обычных войлочных мешках, упакованные в салафановые пакеты, разнообразие препаратов, как новогодние подарки, гуманитарная помощь от воров в законе, наслаждающихся свободой. Заботятся о тех, кто в городе запретов.

Однажды в гуманитарке, попалась, пара упаковок противозачаточных гормонов для женщин, так медицинские сестры спихнули это одному глупому осужденному качку, как гормоны для поддержания тонуса. Он был доволен, а я все думала, как на мужчин этот препарат может действовать? Неужели без состояния токсикоза?

– Ольга Александровна, пришли, хорошо! А то мы не знаем, в камеру вести, или оставить пока в кабинете.

Сергей Сергеевич, следователь. Натолкнулся на меня, когда я поднималась по лестнице на второй этаж.

– Добрый день! Так вы ведете это дело?

– Да. Она иностранка.

– А вы, как бы, владеете другими языками?! – вот сейчас было для меня точно удивительно. Сергей Сергеевич и другие языки?

Он засмеялся.

– Да, бог с вами! Я кроме русского не знаю никакой, школьная программа давно забыта. Девушка неплохо общается на русском, но ведет себя как ребенок.

– Давайте сюда «Дело». В каком она кабинете? За что хоть она тут?

Я взяла, переданную мне папку.

– Мы не смели ее сразу закрыть, перевели сегодня с Москвы. Разбойное нападение и нанесение вреда человеку. Психиатр дал заключение, что здоровая, адекватная и нет признаков психических расстройств. Может, состояние аффекта, сейчас причину поступка сложно сказать. Адвоката не предоставила. Показания отказалась давать.

– Вред человеку у нас каждый, ежедневно наносит любому, и они спокойно все живут. Гражданку другой страны арестовали. За то, что наши, российские, вытворяют, причем безнаказанно.

– Швеции. Она из Швеции.

– Куда идти? Где она?

– В двадцать шестом.

Собственно, тут нечему было удивляться. Это был кабинет, который отдавали мне для работы. Я не так часто проводила в нем время, иногда приходилось спускаться в помещения дознавателей, но это видимо был случай особенный.

С одной стороны, хорошо, что предстоящее знакомство будет в двадцать шестом, там все мои инструменты для тестирования, если они будут необходимы.

Остановившись у кабинета, я вначале открыла «дело» моей пациентки. Значит статья 162 УК? Что такое могла сделать, эта Рута Берг, что сразу такую статью? Настолько опасный преступник?

Мое следующее удивление, ни одного сержанта рядом с кабинетом, охранника близко не видно. Ключ торчал снаружи. Я дернула дверь. Заперта. Повернула ключ. Открыла дверь. Вошла в тот момент, когда настольная лампа дневного освещения, полетела в дверь, которую я только что закрыла за собой. Пролетев мимо меня, разбиваясь, падая на пол, рассыпая осколки.

Следующим этапом на полу оказались все бумаги, они же тесты и наблюдения, моих безалаберных ошибок не убрать ранее в ящики металлического сейфового шкафа, а оставлены на нем сверху.

Женщина меня будто не замечала. Я стояла, не могла двинуться с места. Моя реакция самосохранения была всегда на нуле, как маленькая Кира сказала, что не могу защитить себя. Вместо открытия чувства обезопасить себя, на меня будет ехать поезд, я не сдвинулась с места. Этот ступор и сейчас меня подводил. Я ощущала, как струя крови течет по щеке, от осколка порезавший висок. Крепко держала папку с делом этой мадемуазель, либо мадам. В той самой серой футболке, черных штанах и черном жилете, будто это не было вчера, или продолжение вчерашнего миража перенеслось на сегодняшний день.

Рута огляделась, скинуть на пол уже нечего. Все это, она сделала, молча, без ругани и иностранного «Фак ю».

Подошла ближе ко мне и ударила кулаком по дверке вещевого шкафа. Дверка ДСП на моих глазах лопнула, образовав приличную трещину посередине. Только тогда девушка обратила на меня внимание.

Что сподвигло девушку, сделать то, следующее. Рут пальцем провела по струйке крови, испачкавшую мне щеку и падающую на черный ворот моего пальто. Затем провела этим пальцем по моим губам, окрашивая их красным, и видя, что я не двигаюсь, поцеловала в губы.

Я очнулась от неожиданности, сразу оказалась освобождена от ступора, и отшатнулась от нее.

Девушка отошла. Прошла к окну, где-то секунд пять стояла спиной, затем развернулась ко мне, и как ни в чем не бывало, сказала:

– Ты, что тут делаешь? Меня искала?

Я пыталась вспомнить, есть ли в этом кабинете камеры и жучки. Даже если бы они были, то навряд ли меня об этом оповестили. А пока я осознавала, что все что сейчас произошло не в мою пользу, и компромат продолжает иметь место. Рут провоцирует специально, или по незнанию местных правил Российского Законодательства МинЮста?

Подошла к столу, достав тетрадку для моих заметок, я написала на чистом листе девушке ответ.

«Больше так не делай. Иначе я не смогу помочь!»

– Это уже интересно?! – Рут села напротив меня. – Ты следователь?

– Нет. Я психолог. Совсем не думала, что на сегодня испытаю море впечатлений от службы в этих органах.

– Ты офицер?

– Это не имеет значения. Всего лишь звание.

– Почему же не имеет? Это статус.

Голос Рут был немного высоким, и акцент придавал некий шарм ее произносимым фразам.

– Статус этот не будет иметь значения, если недавняя выходка где-то осталась на камере. Связи с осужденными тоже являются преступлением. У меня отберут ксиву, и я потом тебе точно не смогу помочь.

– Чем ты можешь мне помочь?

Я смотрела в эти синие глаза, вернее тонула в них как в космосе, и сама думала об этом же. Чем я могла помочь? Ну, психиатр вытащил из себя своё заключение о том, что психических отклонений нет, хотя всё, что сейчас было в кабинете, это выпуск огромных отрицательных эмоций. Может иностранцы так расслабляются?

Адвокат? Государственный адвокат, наверняка не возьмется защищать гражданку другой страны, если только обратиться в посольство Швеции?!

– Я пока не знаю, но что-то можно сделать. Послушай, Рут! Что такое можно было натворить, чтобы попасть под сто шестьдесят вторую статью? Ты ограбила банк? Или разбила магазин?

– Я оторвала член одному придурку! – Рут сказала это спокойно, даже улыбнулась. Видно было, как она, на все сто довольна собой.

Я замечала, ее непосредственное уверенное поведение, и оно мне нравилось. Положив ногу на ногу и облокотившись на спинку стула, девушка продолжала ждать от меня реальных предложений по ее спасению.

Значит, оторвала член? Тот полноватый лысый мужчина, который испытал двойную боль, потеряв свое ценное, это дело рук этой женщины?

Теперь я понимала, что никакие тесты мне сейчас не помогут, вывести на откровенный разговор девушку можно лишь одним способом, позволить ей доверять тебе.

Глава 4

Я возвращалась в Москву на свою нелегальную тайную работу. Да, это было именно так, потому что работать помимо там, где я служу не имела права. Все знали, что охрана подрабатывает, и закрывали на это глаза. Я была обязана скрыть вторую работу. Это связано с неразглашением того, что я могу слышать, видеть на территории зоны, и конечно, с доверием. В момент приказа раз аттестовать состав медиков и учителей, сделать всех гражданскими, я не связала это с экономией средств, хотя за звание, тем более звездочки, приличная надбавка к зарплате. Тем не менее, я посчитала, что мерой такого требования явилось то, что спрос с гражданских меньше.

В кармане лежала свернутая бумажка с адресом от Рут. О доверии не могло идти пока речи, я и сама это понимала, но кто же поймет до конца этих иностранцев.

– Рут! Тебе придется пока побыть здесь. Я могу пообещать, что поговорю со следователем о том, чтобы сейчас тебя меньше дергали.

– Дергали? – лицо Берг исказилось в гримасе недоумения.

Возможно Сергей Сергеевич, это и имел в виду, что девушка ведет себя как ребенок. Все отражалось на лице, в поведении, жестах. Все эмоции и ощущения. Непосредственность и естественность не свойственны людям, работающим в таких органах, как Юстиция. Здесь не просто нельзя доверять, везде уши, глаза, ноги, и языки. В Юстиции никто не позволял себе быть настоящим. Надевая непроницаемые маски, чтобы не дай бог, не уличили в измене и не подставили. Последнее происходило на каждом шагу, как специальная манипуляция для шантажа, страха, или «лишь бы не меня». Все друг другу всё докладывали, все об этом знают, и все делают вид что этого нет. И речь не только о работающих сотрудниках, но и тех, кто выживает в городе запретов.

– Я имела в виду вызывали и требовали показаний. Но, ты же понимаешь, что «Дело» уже заведено, и его нужно закрыть. Для этого нужны сведения, причины и прочая фигня.

Рут засмеялась.

– Фигня? Это ты отлично выразилась.

– Не весело на самом деле. Я здесь для того, чтобы понять причину совершенного тобой поступка. Для всех это сейчас преступление, а оно должно понести наказание. Тут совсем не та тюрьма, как в Европе. Здесь за счастье было бы признать тебя психически нездоровой, и провести срок в психушке. Психиатр дал заключение, что ты здорова.

– Не, психушка не хочу.

Я смотрела на это милое лицо с синими глазами. На пантеру девушка совсем не похожа, хотя кошачье в поведении что-то имелось, возможно плавные движения.

– Почему ты это сделала? Что случилось такого, что ты оторвала член мужчине?

– Мужчина! Он не мужчина! Скот.

Рут сложила руки на груди, прикусила нижнюю губу.

Ну, всё! Закрылась даже от меня, и я смогла только предложить оказать услугу.

– Я могу позвонить твоим родным. Сообщить о тебе. Это я могу сделать прямо сегодня?

Берг только отрицательно покачала головой.

Я встала собрать разбросанные бумаги. Пауза длилась всё это время, но Рут даже не решила мне помочь.

– Ладно!

Рут смотрела на меня очень уверенным взглядом, видимо стоило трудов решиться на помощь.

– Сходи и проверь мое секретное оружие! Вот адрес.

Быстро черканув на листе чистого листа моей записной тетради, оторвала и скомкав протянула мне.

– Что?

– Так ты сможешь?

Я взяла листок. Как я могла отказаться, если сама предложила свою помощь? Мне важно было заполучить доверие этой женщины, и не только потому, что я за справедливость и всему есть причина оправдывающая поступок. Рут мне понравилась. Этими манерами, своим живым акцентом, даже тем, что судьба нас свела второй раз за сутки, значит это было нужно.

– Да. Я сделаю.

Доверие, то действие и ощущение, что днем с огнем не отыщешь. Возможно, любовь найти проще, чем того человека, кому ты смог бы доверять. Сейчас, взяв на себя ответственность, проверить «секретное оружие», я взвешивала на чаше весов доверия, кто из нас с Рутой рискует больше. Она, доверив некое «секретное»? Или я, кто опрометчиво согласился? Что это за оружие? Опасно ли для меня?

Передав Рут и «Дело» Сергей Сергеевичу, совсем забыла о запекшей крови на лице. Царапина была небольшая, но моя нежная тонкая кожа, все же пострадала. Осколок от стекла лампы повредил капиллярный сосуд.

– Ольга Александровна? Что случилось? – следователь, на то он и следователь, что подозрения сразу пали на Берг, смотрел на нас обеих.

– Все в порядке. Лампа стояла на шкафу, дверь хлопнула сквозняком, и она упала. Немного поранилась. Тоналкой замажу.

– Тоналкой не отделаетесь. Пластырь нужен. Может к нам в медпункт?

Я не стала продолжать дискуссию своей никакой травмы, попросила дать мне все возможные варианты по освобождению девушки до суда. Сергей Сергеевич немного помялся, не знал можно ли говорить все в присутствии заключенной, но тут наконец появился конвой.

– Где вы были, прапорщик Самарин? – переходя на повышенный задал вопрос следователь конвоиру.

– Она же не одна. Она с Ольгой Александровной!

Самарин продолжал дожевывать булку, что никаких сомнений не оставалось, ходил трапезничать. Было желание сказать, что я пришла позже, а Рут нашла запертой снаружи, но не было желание задерживаться и писать рапорты на безответственного товарища.

– Эти ваши приставки к именам меня бесят, – шепнула мне Рут.

– Приставки? Это отчества! – я улыбнулась.

– Да какая разница как они называются. Для чего они? Отличать человека с одинаковым именем? А если таких Олек Александровных еще с тысяча?

Берг была права. Мне пришлось задуматься и над этим, вспоминала, в какой еще европейской стране или материке земного шара есть отчества. В голову не приходил ни один пример. По имени и отчеству меня впервые стали называть только в Юстиции, на моей не менее

любимой другой работе, я была просто Оля. И мне это нравилось больше, чем быть Ольгой Александровной.

Когда прапорщик увел Рут, я ждала ответа от следователя.

– Сто шестьдесят вторая статья!

– Я видела. Что с пострадавшим?

– В больнице под стражей.

– Что вы сразу не сказали, что она не бандитка, а мужику член оторвала?

– Это было нападение. Человек сидел в своей точке, торговал планшетами, и никого не трогал. Под подписку о невыезде мы не можем отпустить, Берг гражданин другой страны, задерживать в стране не имеем права.

– А если психиатр дает заключение о нормальности этой женщины Берг, то не думаете ли вы, что она вот просто ни за что взяла и оторвала важный орган. Было за что значит. Его допрашивали?

– Ольга Александровна! Она будет находиться в изоляторе до выяснения всех обстоятельств. Пострадавший после наркоза в реанимации. Жить будет, но функционировать орган врачи не обещают. Чем она это сделала любопытно?

Выйдя с электрички, зашла в метро. На табло время показывало почти шестнадцать. Сегодняшний день после выходного морально оказался тяжелым. Еще эти авторитеты! Что там начальник МСЧ сказал? Жди сюрпризов? Этих сюрпризов уже не хотелось. В чем они эти сюрпризы могут выражаться? Не нападут же на меня в зоне специально, чтобы некий Андрей мог проявить в моих глазах авторитетство!

Глава 5

Рут вошла в камеру, за ней закрылась железная дверь. Десять глаз сразу обратили внимание на Берг. Последняя прошла на свободную койку нижнего яруса, скинула бутсы, и улеглась на матрас.

– Как звать крошка?

Полная женщина, в сером застиранном платье и растянутой вязаной кофтой, пыталась привлечь внимание Рут.

– Я, Рут! И я устал.

– На допросе замучили? За что тут?

Рут только помахала отрицательно руками, дав понять, чтобы не трогали ее сейчас, отвернувшись к стене.

Пытаясь уснуть, сквозь затуманенное сознание, она слышала, что две девушки играют между собой в морской бой, кто-то перелистнул страницу читаемой книги, одна закашлялась.

– Ты со своим кашлем не перезаражай нас здесь. Не туберкулез надеюсь?

– Холодно. От сырости это.

– Как на улице сейчас? Май скоро, сирень. Солнышко.

– Мечтай. Тебе до суда еще сидеть, недели три минимум.

Рут слышала эти разговоры женщин и вспоминала Ольгу. Совсем не изменилась с детства, только это уже не ребенок. Помнит ли она о том, единственном жесте, какой Рут позволила себе сделать тогда?

Не успела я войти в лифт подняться на седьмой, где располагался продюсерский центр, как меня догнал наш новый бухгалтер Светлана Васильевна.

– Оль, отчет готовлю, а перед праздниками надо зарплату выдать. Как вы распределяли оклады и гонорары?

– Марина Афанасьевна вела отдельный журнал. Я сейчас по гонорарам новые списки составляю, принесу. Премий там не обещает директор?

– Пока молчит. Я боюсь лишний раз к нему в кабинет идти, вот тебя ждала поэтому.

Я нажала кнопку лифта, тот медленно поехал вверх.

– А Марина, почему ничего не передала? С собой все унесла? Никаких бумаг, инструкций и журналов? – уточнила я, но скорее ничего странного в этом и не было, расстался бывший главбух с директором не очень хорошо. Первая ревновала последнего к новой секретарше.

Откуда Александр Владимирович привел девушку Юлю, назначив своим помощником, история умалчивает. Новый секретарь не сильно оказался загружен работой, и часто проводил в кабинете у главного. Марина Афанасьевна, на тот момент еще главный бухгалтер, и по совместительству любовница начальника, и об этом знали все и никак не скрывалось, не ожидала однажды себе замены в таком вот ключе, как появление девушки Юли. Брюнетка с длинными ногами, постоянно в светлой одежде и бледным лицом. Такая барышня времен девятнадцатого века, не умела пользоваться элементарным факсом, зато прекрасно варила кофе.

– Как вы жили без секретаря раньше?

Вопрос Светланы меня отвлек от мыслей о предстоящих делах. Я уже рисовала себе план сегодняшних действий, чтобы закончить к восьми и съездить по адресу Рут.

– Как-то жили!

Дверка лифта открылась. Навстречу менеджеры Сорокина с Павленко.

– Оль, мы за булочкой, пока еще буфет открыт. Тебе что купить?

Предложение прозвучало немного растерянным и виноватым голосом Сорокиной Натальи.

– Ничего не надо. Возвращайтесь, минут на десять всех менеджеров соберу. Будьте в рекламном.

Девчонки исчезли в закрытом лифте. Светлана исчезла в бухгалтерии. Я прошла в монтажку.

Виталий, режиссер, готовил студию к записи.

– Ольга! Там спонсор прислал со своего магазина одежду. Кто сегодня пишется на Прогнозе?

– Только пришла. Должна быть Иринка с модельного. Где пакет?

– Пакет в дизайнерском на столе. Иринка? Не знаю, как это будет выглядеть.

– Что именно?!

– Там одежда вся открытая. Посмотришь. Выберете на нее, влезет может.

В дизайнерском отделе, помимо привычных мне дизайнеров Димки и Вадика, в гостях оказался приходящий айтишник Андрей. Полноватый большой молодой человек, вечно в широком мешковатом пиджаке и умным взглядом в очках.

– Привет, ребята! Что нового? Андрей, у нас в системе сбои?

– Оля! Андрюша у нас по Ирке сохнет. Ты не заметила, что он появляется на ее съемку? – засмеялся Дима.

Я заглянула в пакет с одеждой, затем посмотрела на красное лицо Андрея.

– Бедный мальчик! Сегодня будет не сладко. Держись там!

С пакетом уже направилась в менеджерскую.

У окна расположилась Иринка. Невысокая худая девочка, двадцати пяти лет, с модельного агентства. Приходящий визажист Марина, бывшая модель с того же агентства, делала Иринке макияж.

– Короче, Ирин! Тебе надо вот что-то из этого натянуть на себя. Постарайся в это влезть. – Я высыпала содержимое пакета на небольшой кожаный диванчик у стены.

– Что это? – Марина уронила кисточку при виде тех маек, что украшали коричневую кожу офисного инвентаря.

Я достала первый и развернула показать всем.

– А без этого нельзя? – Ирина тихо подала свой нежный тонкий голос.

– Желание спонсора закон. Он оплачивает деньги за свою рекламу.

Марина отложила свои инструменты косметики, подошла ближе.

– Ирин, ничего так они. Симпатичные.

Я подошла к другому окну. Апрельский дождь зарядил не к месту, хоть у меня и был в сумке с собой зонт, но я не могла забыть о том, что нужно проверить «секретное оружие».

Иринка разделась по пояс, оставшись в черном не по размеру бюстгалтере. Если Марину я представляла, пусть и бывшей моделью. Плоская, худая, высокая. Длинные рыжие волосы, скулы. Без макияжа немного стареющее лицо, все-таки постоянное нанесение кремов вредят коже, что не говори. А Марине всего-то тридцать четыре. То, Иринка, как попала в модельное поражало! Метр шестьдесят пять от силы, и да, худая и красивая, но проблема в груди. Шестой полный размер, на такой пропорции худенького тела, к которому и лифчик молодежный подобрать невозможно!

Иринка натягивала майку одну за другой. Тонкие лямки растягивались, трикотаж натягивался на бюст с трудом, что со всех сторон грудь выпячивала свои округлости.

– Что мне делать? – Ира в отчаянии натягивала последнюю желтую трикотажную с красными губами на груди.

– Эту и оставь. За губами сосков не так видно. – Маринка дала свое заключение.

– Зато черный бюстгалтер просвечивается! – у модели начиналась истерика.

– Сними его. Он никак не спасает. – спокойно сказала я.

В кабинет заглянул Виталий.

– Ир, готова?

– Можно и так сказать! – вздохнула девушка, и вместе с Мариной вышли вслед за режиссером.

Мне надо было составить списки для бухгалтера по гонорарам и провести пятиминутку в рекламном. На часах половина шестого, во избежание застать не всех рекламщиков, решила, что вначале пятиминутка.

Девчонки ждали. Кто-то приготовился после собрания свалить домой, кто-то дожевывал булочку, кто за компьютером составлял медиа план. Человек одиннадцать, ярких, разных, далеко не глупых, уставились на меня.

Рут проснулась от холода. По истечении времени находясь в одном неотапливаемом кирпичном помещении, отсыревшем за апрельский период, почувствуешь прохладу. Некто из женщин сверху накрыл тонким одеялом, но ни это, ни то, что в помещении уже семь человек, не спасало.

Женщина неопределенного возраста продолжала кашлять, кто-то чихнул, другая сидела с красными глазами. Конъюктивита, а может от слез?

В камере не было тихо, но никто не разговаривал. Берг села, потянулась расправить мышцы спины и позвоночник. Руки холодные, потеряла ладони, и хлопнула в ладоши. Все снова обратили на нее внимание, на этот раз не десять, а четырнадцать глаз.

– Так! Девчонки! Будем греться! – после сна акцент у Рут выражался ярче.

Она встала у железной двери лицом ко всем.

– Поднимемся! Поднимаемся! Повторяем все за мной!

Женщины послушно поднялись, с верхних коек остальные спустились.

Берг хлопнула в ладоши, считая вслух, и запела под движением своего тела.

– Раз. Два. Три. Раз Два Три. Будь готов летать мы будем очень долго.

Миллионы песен с высоты споём. Мы с тобой закрасим небо в ярко синий.
Чтобы выделяться выгодно на нём.

Все семеро подхватили песню, улыбались и повторяли движения Рут.
– На большом воздушном шаре мандаринового цвета. Мы с тобой проводим это лето.

Я вытерла с пластиковой доски маркер, которым рисовала план на май по программам.
– Наташа! – обратилась к Сорокиной, которая схватила сумку, уже стояла на выходе из кабинета. Жгучая брюнетка, полненькая, с ярко красной помадой на губах остановилась.

– Да, Оля! Я все сделала на сегодня!

– Я не про сегодня. Наташа, если ты после тренинга пишешь себе мотивацию сделать полмиллиона за месяц, хотя план менеджера миллион, и вешаешь этот лист перед собой на стену у своего рабочего места, то я не понимаю, как тогда можно было сразу собраться и уйти, до конца рабочего дня еще часа три оставалось. Поделись секретом, если они сами вдруг появятся, эти полмиллиона, пока ты гуляешь по своим делам. Я тоже так хочу.

Все засмеялись. Наталья стояла смущенная. Пару дней, именно так она и сделала. Нарисовала цифру красным маркером крупно на белом листе формата А4, прикрепила скрепкой над столом, и ушла спокойно домой.

Ответа мы от Сорокиной и не ждали, собственно, не ждали и Виталия, который примчал с бледным лицом.

– Девчонки, у кого нашатырь есть? Андрей, глядя на Иркину грудь, в монтажке в обморок упал. Говорил я, что спонсора другого искать надо.

Глава 6

Дождь не прекращался, из-за туч и воды все дома казались серыми. Сумрак вечера все сгушался, не смотря на весенние длинные дни сегодня оказалось темно и в это время суток. На часах почти девять, хочется домой, съесть уже что-то существенное помимо кофе за целый день, но это тот самый случай, когда дома, дай бог, окажешься к двенадцати ночи, и там уже не до ужина.

Темные дворы Владимирских улиц не освещались совсем, но ориентируясь по карте, которую попыталась запомнить с Яндекс, Вторую Владимирскую я все же нашла. Пятиэтажки все на один фасад, и если бы не было так темно, то как-то еще можно их различать. На мое счастье, из одного дома вышла парочка, для московских дворов безлюдность даже в такую погоду неприемлемо, видимо сегодня исключительный момент, а возможно район не совсем благополучный, что знающие просто сидят дома. Никто не выгуливает животных, мало припаркованных автомашин, фонари не у всех подъездов работают.

Парочка шла навстречу, пересекая двор по асфальтовой дорожке вдоль детской площадки.

– Простите, не подскажете, где шестой по утренней улице?

Девушка прижалась ближе к парню, обхватив его плечо, будто я вот прямо сейчас на него начну претендовать, а парень мило ответил:

– В ряд там белые стоят, какой шестой не могу сказать.

Поблагодарив, я отправилась искать белый дом с номером шесть, но эти белые мокрые совсем белыми не были. Одно радует, что я уже у цели.

Мокрые ботинки насквозь пропитались влагой, что начинали мерзнуть ноги. Я пожалела, что переобулась из сапог слишком рано этой весной, но это моя фишка была всегда, сколько я уже взрослая. Таким образом пытаюсь ускорить наступления лета, тем более асфальт вполне свободен от снега и в Москве земля не перемешана с глиной.

О, лето самый любимый мой сезон! Нет, конечно, когда не жара под тридцать или сорок. Я очень с детства не любила одеваться. Была бы моя воля, то ходила бы в одних трусах, а дома обнаженной. Собственно, по возможности, я так дома летом и хожу, но этих возможностей слишком мало.

Очень редко получается остаться одной, даже ночью. Ощущение, что многие ожидают моего возвращения и наблюдают за окнами, не зажегся ли свет. То соседке скучно, поболтать важно, то с первого этажа консьержка поднимется с желанием сочувствия от меня, и рассказать, как ходят посторонние в тринадцатую, погадать к одной недавно заехавшей женщине. Ну, а то, кто из девчонок охраны, в свой выходной, намыливаясь в Москву просят остаться на ночлег. Последних я могла понять, так как проживание в общежитие при ИК, где общие душевая и санузел, а также кухня, скорее надоедали, и желание пожить хоть полдня как человек, для девочки это нормально. Да, это именно девочки, которые многие не перевалили рубеж тридцати лет, и так в жизни бывает, что благодаря стараниям родителей, живущих ранее при коммунизме, настроить ребенка не на получения достойной интересной профессии, а жить так, где обеспечит тебя государство. Форма, стабильный оклад, возможно институт за счет организации, но не все туда идут. Что еще? А... парней много, можно выйти замуж. Вот с этим всегда был у меня спорный вопрос. Сейчас не время гусаров, рыцарей, да и нет романтики выйти замуж за военного. Вспоминая начальника кадров, понимаешь, как сфера деятельности

и обстановка меняет людей и не в лучшую сторону. При мне еще ни одна девушка с охраны не вышла замуж, зато парням раздолье выбора любовниц и меняться друг с другом.

На двадцать третье ребята отмечали только свой праздник и девчонки их поздравили, а ребята девчонок нет. Логика оказалась такова, это мужской день и ждите восьмое марта. А на восьмое марта, ребята отмечали день рождения прапорщика Левашкина, девчонки поздравлений так и не дождались. Сидели, накрыли стол, даже испекли торт. В обед отправились искать парней, и застали у Левашкина всех, кто не дежурил, уже готовых заправленных алкоголем. После этого разочарований было много, и каждая прибегала ко мне, чтобы получить совет.

О, небо! Какой совет я могла дать? Их выбор всегда останется на том уровне, какой они когда-то сделали, и только потому, что так привыкли и для них это стабильно. Единицы, кто однажды понимают, что жизнь идет и ничего не меняется, значит это не их жизнь. Меняют профессию, меняют партнеров, меняют полностью на девяносто градусов свою жизнь. Перестраиваться сложно, порой не хватает и средств к существованию, стабильность ушла. Зато потом все наблюдают насколько они получают то, к чему шли. Мужа. Квартиру. Хорошо оплачиваемую работу, даже без высшего образования. Но и такие примеры не все повторяют, из-за страха начать жить по-другому, без стабильности, и не огорчать родителей или своего стабильного любовника. Последнее чаще ассоциируется с предать чуть-ли не Родину.

Собственно, наконец осознаешь, что причина всегда одна, неуверенность в себе. Возможно, такие гадалки, как из тринадцатой, всегда будут востребованы, так как люди желают для уверенности знать, что будет завтра с ними или с их близкими.

А что будет завтра? Никто не сможет дать точного предсказания что будет завтра. Тебе тридцать, да и неважно сколько лет, двадцать, десять, сорок или три года. Ты идешь по городу и на тебя упал с крыши шифер, вот такого дома как на Утренней улице. Все тебя нет. Полетел отдохнуть на Бали, упал самолет. Едешь в метро, взорвали вагон. Купил банку огурцов в супермаркете и тебя сразил Ботулизм. Да все что угодно. В этой жизни точно ничего нельзя предсказать, и только потому, что бог дает тебе возможности, шансы, показывает знаки, а человек либо берет эти шансы и видит знаки, либо продолжает ожидать смену жизни каким-то случаем. Случайностей не бывает. Любая случайность, даже случайная мысль, это и есть знак, и порой человек кидает это в свою глубокую преисподнюю до однажды воспоминания с сожалением, что не услышал, не понял, не воспользовался, а время потеряно.

Дверь в нужном мне подъезде оказалась открыта, из-за сломанного кодового замка. Ничем не привлекательный подъезд, без цветов на площадках и подоконниках, без камер, без консьержки, на удивление чистый и без посторонних запахов. Третий этаж. Рванный кожаный диван, которым ранее оббивали двери, не обновлялся со времен постройки этих домов. Ромбик с номером квартиры очень напоминал жетон любого военнослужащего. Кнопка звонка отсутствовала, и я постучала. Вначале тихо, чтобы не потревожить соседей. Затем понимая, что меня так не слышат в квартире, стукнула раза три громче. Странная тишина на мои позывные открыть мне дверь, возымело только мои сомнения, что я не по адресу. Хотя адрес на бумажке был написан именно этот, но сомнения оставались.

Почему, гражданка Швеции, остановилась в этом московском доме, а не в каком-то новом и приличном районе, где лифты, где освещаемые дворы, где просто комфортнее и приближаемо к европейским стандартам.

Ну, или в Центре Москвы, недалеко от Кремля, в каких-то пусть недорогих апартаментах?

Да, собственно, почему я решила, что меня обязательно кто-то должен был тут ждать и встречать?

Шорох и поворот замка послышался совсем в другом месте. Соседская на площадке дверь открылась, выглянула старушка лет восьмидесяти.

– Ой! Извините, я вас потревожила. Мне ваши соседи нужны.

– Там Вольдемар живет.

– Кто? Вольдемар?

Бабушка только кивнула.

– А он глухой? Стучу не открывает.

– Глухонемой, ага. Ключ под ковриком возьми, я же говорила в прошлый раз.

Когда это в прошлый? Может она меня за Рут приняла? Было похоже, что у старушки День Сурка.

Серый с выцветшими розовыми цветами коврик лежал у порога перед дверью. Отвернув толстый коврик, действительно лежал ключ. Аккуратно в выемке сломанной плитки, что сразу не догадаешься стоя на коврике.

Все считают в Москве опасно и на каждом углу разбойники, так вот это сомнительное заявление, и сейчас это подтвердилось. Москва. Пятиэтажка в многолюдном месте не так далеко от метро. Темные дворы и плохо освещенные улицы. Открытый неохраняемый подъезд. Ключ под ковриком и соседи об этом в курсе. Москва, один из самых безопасных городов в России, по крайней мере с точки зрения моей позиции и проживания в этом городе.

Ключ повернулся довольно легко, но как только я открыла дверь, мимо меня и дальше, вниз по лестнице, рвануло черное лохматое чудовище почти с меня ростом.

Рут попыталась заснуть, но на этот раз не получалось. Кто-то из соседок храпел. Две мелкие на втором ярусе шептались о прошлой замужней жизни. Для Берг это было неинтересно. Она никогда не пыталась обзавестись мужем, и фактически никогда не имела серьезных отношений, так чтобы жить вместе.

Для нее подобные истории не казались сказочными и не имели смысла, так как одних бабушкиных историй о десяти законных браков, вполне хватило послушаться в детстве. Снова в мыслях приходила Ольга, больше та маленькая, из того же, насыщенного историями бабушки, детства.

Нашла Ольга «секретное оружие» или может так и не поехала по адресу, испугалась?

Металлическая дверь камеры открылась.

– Берг на выход.

Рут поднялась. Время позднее, и всякие посещения не могли иметь место быть.

– Куда?

– На выход, задержанная Берг! Вещи захвати.

Вещей у Рут не было. Девушка вышла за сержантом из камеры.

Глава 7

Серые коридоры СИЗО, как лабиринты Минотавра, для Рут не представляли выхода, казалось, что они с сержантом идут целую вечность.

– Куда меня?

Берг попыталась разговорить своего конвоира, но он продолжал идти молча позади девушки. Она помнила только, что дорога в камеру была короче, чем, то расстояние, которое уже прошли. Остановились у одной металлической двери без надписи

– К стене. Руки за голову.

Рут повиновалась. Сержант открыл дверь и скомандовал идти вперед. Лестница на первый этаж очень повторяла ту, по которой ранее спустили в подвал. Прошли еще метров десять и вновь остановились у двери, на этот раз коричневая деревянная с надписью. Прочитать Рут не успела, команда «к стене лицом и руки за голову» прозвучала быстрее. Они пришли по месту назначения.

– Подполковник Пронин, доставлена задержанная Берг.

Голос немного глухой, но спокойный, прозвучал из помещения.

– Входите!

Рут опустила руки и вошла в кабинет. Дверь за ней закрылась.

Я не знала, что за чудовище выскочило на улицу, но точно не собиралась его догонять. Сразу вспомнила сказания всякие о домовых, но не очень верила в их существования. Одно дело присниться во сне, другое чуть некто не сшиб меня с ног. Старушка давно ретировалась в свою квартиру, и я на площадке осталась одна.

Честно, очень надеялась, что мне показалось. Мало ли, сегодня с утра день сюрпризов, одним больше ничего страшного.

Квартира пугала уже своей темнотой, но я все же вошла и нащупав в прихожей нечто похожее на выключатель, повернула кнопку. Да, современный довольно прибор, можно убавить, а также прибавить освещение, которое повиновалось моим пальчикам.

Несмотря на вот такую, со стороны этажной площадки обшарпанную дверь, квартира сверкала изыском дизайнерского шедевра. Не могла сказать, что за стиль, но смесь авангарда с модернизмом прослеживалось, а может и добавление хайтек, особенно кухня. Стальной серый холодильник огромных размеров, столешница из натурального камня, и барная стойка из того же материала. Стены, серо-розовые под металл.

Включаю, по дороге, везде свет, даже в ванной, где не для такого дома находится джакузи, иду в комнату. Огромная кровать с резной металлической спинкой. Цветной горой вышало одеяло вместе с покрывалом.

Кого там старушка назвала? Вольдемар? Имя пугало, оно было схоже с Воландомором из детской страшной сказки. Теперь понимала, что, либо сама попала в какую-то сказку загадочной Швеции, вдруг перебазировавшись в Москву, либо от Рут можно ожидать чего угодно, и не только оторванных членов или домовых дома.

– Вольдемар? Вы спите?

Мне казалось, что под ворохом этого цветного сугроба на кровати кто-то действительно есть, но в ответ молчание, поэтому пересилив свой страх я подошла ближе и аккуратно подняла одеяло.

– Вольдемар!

На пороге комнаты появилось чудовище. Черное, лохматое, огромных размеров, что загораживало весь проход, и если оно встанет на задние лапы, то спокойно достанет до висящей под потолком люстры. Это была какая-то смесь сербернара, ньюфаундленда и овчарки.

– Вольдемар, это ты, да? — тихо спросила я песика и села на кровать.

Я, конечно, люблю собак, но огромных размеров звери с детства пугали. Совсем забыла и про «секретное оружие» и про мокрые ноги, мысли были лишь о том, как бы не оказаться лакомством для этого чудовища из сказки «Огниво». Сразу вспомнив о лакомстве, решила поговорить с собакой.

– М... ты, может кушать хочешь? Я не вкусная для тебя, сразу предупреждаю! На кухне сейчас найдем что для твоего голодного желудка.

Пес услышал про кухню, развернулся своим лохматым корпусом и исчез. Я отправилась следом. Надо подружиться с этим кошмаром, иначе придется провести ночь с ним.

Подполковник Пронин сидел за столом без пиджака, в серой форменной рубашке с погонами и полосатым галстуком синего цвета.

– Чай будешь?

Рут в замешательстве стояла у порога, не решаясь сделать шаг ближе. Кивнула соглашаясь.

– Берг, да расслабься. Присаживайся ближе. Не узнаешь?

Девушка прошла на кожаный коричневый диван и приземлилась.

– Максим. Рыжий маленький. Ты дразнила меня Антошкой. Помнишь? – подполковник улыбнулся и протянул кружку с заварочным пакетиком Рут.

– Ты очень изменился с того времени.

Рут взяла кружку с кипятком.

– Сахара нет. Шоколадка есть. Бери.

Максим Игоревич подвинул не вскрытый от обертки шоколад.

– Да уж! Мы все меняемся с возрастом. После армии я вытянулся в два себя. Зато не полысел. Приходится стричься часто, рыжие кудряшки и сейчас бы были.

– У меня теперь привилегия? – осторожно поинтересовалась Берг. Друг детства со двора ее бабушки, к которой часто приезжала на лето, имеет теперь значение в содержании ее, как преступницы, в изоляторе, или не имеет?

– Никаких привилегий. Сведения поступили, что твоя жертва пришла в сознание и отказалась от заявления. По факту дело можно закрыть за, не имением заявления от пострадавшего.

– Я была уверена в этом!

Пронин долил себе еще кипятка в кружку, посмотрел на Рут.

– Ты можешь переночевать у меня здесь, а так, я могу, не дожидаясь утра отпустить тебя домой. Где ты остановилась? В гостинице?

– В Перово. Квартира у матери здесь.

Рут сделала паузу и продолжила.

– Ольгу видела у вас здесь.

Максим сразу понял о ком речь. Маленькая Рут еще тогда, играя с ними мальчишками в «казаки-разбойники» наблюдала за невзрачной, тогда так казалось, девчонкой. Оля игнорировала пацанов, зато вполне могла начать игру и общение с самыми на тот момент уродливыми девчонками, косящих под мальчишек. Рут была яркой девчонкой, и не только потому, что ходила в европейской фирменной стильной одежде, а яркой по жизни. Придумывала новые игры, лидерствовала над всем и во всем. Именно, благодаря Рут, девочке Оле пришлось залезать на деревья, крыши, пройти по перилам моста над рекой. При этом Оля не знала, что все это подстроено. Цель Берг, тогда еще подростка, позволить Оле не сделать самой, а увидеть смелость Рут. Но Ольга лезла спасать то одного, то другого, совсем не замечая виновника происходящего.

– Ты так и не забыла ее? Мы же были дети. Двадцать лет прошло, если не больше.

– Сложно сказать какие чувства были, но не забыла.

Рут разорвала обертку шоколада. Пронин заметил, что так были вскрыты шоколадки и в детстве.

– В тебе ничего не меняется, Рут!

Девушка пожала плечами, прислонилась к спинке дивана.

– Вокруг достаточно перемен, а я себе не изменяю.

– Это точно! Так чем ты оторвала член этому несчастному?

Берг засмеялась.

– Мне все задают этот вопрос. Он главный на повестке. Ни за что? А чем!

– Ну за что, мне условно лично ясно. Зная твое не изменяю себе, за просто так это не сделала бы. А вот чем? Врачи в шоке. Рваные раны, руками это сделать невозможно, тем более женскими.

– Может у меня когти?

– Как у Россомахи?

– Это кто?

– Люди Икс не смотрела?

Рут поставила пустую кружку на стол.

– Где мои вещи? Домой поеду. Там собака не выгуляна. Вторые сутки терпит.

– Что за пес?

– Леонбергер.

Пронин пытался вспомнить породу, но никаких подобных вспомнить не получилось. Нажал три кнопки на стационарном телефоне.

– Сизов? Посмотрите вещи задержанной Берг. Несите ко мне в кабинет.

Обратившись уже к Рут.

– Пропуск выпишу. Но прошу не уезжай пока из Москвы. Хотя бы пару дней, пока дело в архив официально не уйдет. Следовательно утром передам по смене. На такси поедешь?

– Две недели еще в Москве. У меня выставка готовится.

– Что за выставка?

– Черно-белой фотографии. Я фотограф. Приходи. Пришлю приглашение.

Прапорщик Сизов принес ящик с вещами Рут. Портмоне. Ремень. Ключи.

Глава 8

Лето, теплое, как я люблю. Бассейн на открытом воздухе. Лежанки. На одной расположилась Марина визажист. Второй занят Сорокиной. Еще пару девочек из нашего продюсерского расположились на плитках близко к воде. Виталий режиссер с Ириной вылезли из бассейна. У Иринки, как всегда, лифчик меньше размера груди, что проще не надевала бы совсем.

– Оль, ты куда?

– За водой. Со мной пойдешь?

Иринка, схватив полотенце, вся мокрая, с волос капает, решает составить мне компанию.

– Может мороженое кому? – спрашивает Виталий девчонок.

Откуда-то появляется Димка дизайнер с корзинкой мороженого.

– В очереди отстоял, чтобы купить несколько шариков. Кому-то не достанется.

– Я не люблю мороженое! Я за водой. Очередь говоришь там большая? – уточняю я.

– Ага. Но все за мороженым. Воду попробуй взять без очереди.

Я не представляла, как можно влезть сквозь толпу желающих быстро отовариться, поэтому рада была Иркиному присутствию.

– Ирин, полотенце оставь. Будешь как отвлекающий маневр.

– Развлекающий скорее всего. – подала голос Сорокина. Наталью немного раздражала фигура Иры, так как при своей полноте грудь у самой не увеличивалась, а скорее наоборот, расплывалась, и выглядела меньше на фоне жировых складок туловища, что не скажешь про Иринку. Я иногда задумывалась над тем, что если Ира вдруг поправится, то грудь увеличится еще на размер или нет, чаще ведь так и бывает.

В кафе действительно было много народу, не смотря на пустующие столики. Стоять в очереди не хотелось, и мы с Ирой присели за столик ближе к барменам, предварительно заняв очередь... кажется.

К нам подошел официант, я подняла голову и увидела Андрея.

– Нам воды без газа и две бутылки с собой. – сделала заказ Иринка, не заметив своего ярого поклонника.

Через несколько секунд перед нами поставили два больших стакана с логотипом кока-колы, и официант Андрей открыл бутылку с чистой водой, стал заполнять стаканы. Бледный, косящийся на Ирину грудь, не заметил, как вода начала переливаться из стакана на стол. Ира только улыбалась и строила ему глазки.

Тут я осознала, что из-за Иркиной груди, я забыла на пляже кошелек и надо бы вернуться. Извинилась. Оставила парочку вдвоем, вышла из кафе.

Оказалась в многолюдном парке. Водой торговали и мороженым через каждые три метра. В поисках дороги на пляж к ребятам, вышла к зазывалам предлагающие выиграть медведя. Белые огромные медведи ожидали своих победителей, но попытки у кого сбить несколько шаров дротиками или попасть в пять мишеней пневматическим оружием не увенчивались успехом.

– Девушка, вы стрелять умеете? Оружие в руках держали? Даю пять бесплатных попыток, и они засчитаются если попадете сразу в пять мишеней в десятку.

Передо мной снова Андрей, но уже не айтишник с продюсерского, а названный авторитет из колонии общего режима ИК. Стоя за стойкой тира, заряжал ружье, напоминавшее винтовку, из которого я стреляла на стрельбище с охраной. Не знаю, что побудило взять ружье из его рук и попытаться счастья в попадании в десятку, возможно как всегда доказать себе, что я смогу, или ему, что я не просто так девушка, а офицер. Первые две попытки оказались неудачными, пульки пролетели мимо мишеней, что хоть бы попали пусть в двойку, но они пролетели мимо.

– Оля, не волнуйтесь. Я вам помогу.

Андрей подошел сзади меня, немного нагнулся, чтобы его руки были на уровне моих и положила свою руку на мою державшую оружие, нацелился на мишень.

– Отошел от нее, пока я тебе эти руки не вырвал.

Голос с акцентом был уверенным и сильным. Андрей и я повернулись на голос. Рут Берг собственной персоной. Стояла в метре. Светлые штаны, белые кроссовки, темная спортивная майка, оголяющая упругий накаченный живот. Смуглая кожа. Такая же, короткая стрижка, уложенная наверх, напоминающая ураган. Синие глаза с пушистыми ресницами.

– Я что не ясно сказал? Руки убрал и отошел на свою территорию.

Андрей поднял парочку валявших на асфальте пулек и зашел за стойку.

– Может выиграете девушке медведя?

– Нет проблем.

Рут взяла ружье из моих рук прицелилась. Затем убрала от мишени ружье и согнула ствол. Как он еще не хрустнул совсем в ее руках? Вновь прицелилась и выстрел пришел прямо в яблочко. Затем еще два раза так же в десятку. Пулек больше не было. Она достала из кармана рогатку. Я помнила эту рогатку. Откуда? Что-то из детства. Да, именно детские воспоминания, и была только одна единственная такая. Деревянная лакированная рукоятка и не черная, а именно светлая резинка. Две мишени от удара слетели со стеллажа, это не пластмассовая пулька, рассчитанная пневматикой. Рут стреляла специальным стальным шариком, и безобидная рогатка оказалась реальным опасным оружием.

Огромный черный медведь сунут мне в руки, и я чихнула от попавшей шерсти мне в нос. Открываю глаза. Лежу, как рядом с горячей печкой. Вольдемар повернувшись ко мне спиной занял большую половины кровати.

– Вольдемар! Иди на место. Там на кухне твоя постель. Кыш!

Я попыталась сдвинуть эту тушу с кровати, похлопала его ладошкой. Одеяло и так было теплым пуховым, а тут еще целый медведь разлегся от скуки.

Собака вяло пошевелилась, слезла с кровати, недовольно глянула на меня и все же растворилась в коридоре. На часах только два ночи. Скинув футболку, которую я перед тем как лечь спать нашла в шифоньере, накрылась снова одеялом и засыпая слышала какие-то стуки и шорох в квартире. Вольдемар видимо хозяйничал, устраиваясь на своем коврике.

Да. Мы подружились, как смогли. Пришлось. Хотя от этого страх перед огромными животными не стал меньше, но Вольдемар показался умным песиком и добродушным. Он сам показал, где стоят пакеты с его кормом, который в результате я насыпала в огромную зеленую собачью миску.

Затем я попыталась вызвать такси, но мне сообщили, что свободных машин нет, и ждать придется около часа. Решила ехать на метро, пусть с мокрыми чулками в мокрых ботинках, но этот песик начал на меня рычать и скалиться, при моей попытке открыть наружную входную дверь.

– Ладно, ладно! Я останусь! Но утром мне на работу.

Вольдемар успокоившись отошел от меня, и обмануть его при обещании остаться, я просто не смогла себе позволить. Может мне это чудовище придется посещать пока Рут в заключении, так он потом меня просто сожрет за предательство и не выполнение обещания остаться. Я осталась. Напихала в ботинки газеты, чтобы высохла к утру. Все одежду, кроме пальто конечно, загрузила в найденную стиральную машинку. Она оказалась на кухне в одном из столов под столешницей. Приняла душ, и найдя эту, для себя огромных размеров футболку, уснула.

– Женщина с оружием. Это не по правилам. Вы разрушили мой тир.

Андрей возмущался и поправлял игрушки, которые слетели все на пол.

– А я вообще не люблю правила, и я же попала в пять мишеней, так что все по чесноку.

– Вы стреляли запрещенным методом!

– Каким запрещенным? У вас все ружья с кривыми стволами. Видали?

Рут показала ружье, которое недавно сама сломала, при этом им же и сразила три мишени в десятку.

– Это ваш косяк. Вы свернули ствол. У нас есть камера. Она все пишет.

Берг подошла к мужчине, так они стояли друг напротив другого, вызывая мое напряжение.

– Где камера? Здесь? – Рут стукнула кулаком по стене тира и в этом месте, в дверке шкафа в двадцать шестом кабинете СИЗО, образовалась дыра. Я подошла ближе, схватила ее за руку, та выдернула свою руку из моей ладони, и тогда я потянула ее за карман штанов.

– Рут, перестань. Отстань от него.

Я проснулась. Солнце светило в окно. Моя правая ладонь лежала на чем-то упругом и мягком. Оказалось, это ягодица Рут в синих трусах.

Сказать, что я удивилась ее присутствию, не сказать ничего. Последние события меня уже перестали шокировать, но сюрпризы продолжались.

Аккуратно, не разбудив девушку, я подняла руку, но тут же была захвачена рукой Рут за поднятое запястье. Сны менее казались кошмарными, чем резкое движение Берг.

– Полежи еще со мной.

– Что? – не сразу поняв, что все же это реальность, а не продолжение сна.

– С тобой приятно спать!

– Я не спала с тобой!

– А чем ты сейчас занималась?

Рут открыла глаза и смотрела в мои еще сонные.

– Ты, что, сбежала из изолятора?

– Не из сумасшедшего дома же. – Берг засмеялась.

Я не стала обращать внимание на этот юмор, мне он совсем не показался здоровым, прекрасно понимая, чем грозит побег, и я еще здесь замечена, а рядом лежавшая девушка, в отличие от меня хотя бы не нагишом. Оглядев кровать в поисках той самой футболки, что скинула ночью.

- Не переживай так! Меня выпустили. Моя жертва отказалась от обвинения на меня.
- Уже хорошо! А ты не видела мою тут рубашку?

Я закрывалась одеялом, и не потому что я была обнаженной, с детства не стеснялась своего тела, а потому что взгляд Рут был не хуже того взгляда пантеры. Он сканировал, как рентгеновские лучи, от которых желание защититься, чтобы не быть облученной.

- Твои вещи в ванной. Я их вытащила из машинки. Ты всегда засыпаешь, забыв о стирке?
- Я вчера просто устала, и я не знала сколько часов она работает. Я не переключала программу стирки, как стояла, так и включила.

Рут все держала меня за запястье, и честно, мне становилось страшно от того, что я не знаю который час и опоздала ли я на электричку. Часы на телефоне, а телефон тоже где-то в кровати, что его надо еще найти.

- Рут. Мне на работу пора.

Девушка отпустила мою руку. Облокотилась на подушку приподнялась выше к спинке кровати.

- Иди. Я не держу!
- А... тут футболка валялась. Не видела?

Рут только покачала головой отрицательно и смотрела во все свои синие на меня.

Это было снова что-то из детства. Девчонка с шоколадными во все стороны неуправляемыми волосами, в замшевой коричневой куртке с заклепками и по индейски висячей бахромой, шорты, длинные загорелые ноги с белыми кроссовками. В детстве мы все одевались просто, и та девочка выделялась своими нарядами. Я ее специально старалась не замечать, делала вид, что ее нет. Для меня было важно не выделять ту девчонку из толпы, так как она и без меня имела кучу поклонников. Мальчишки не отходили от нее ни на шаг заглядывая в рот. Девчонки ревновали. Я абстрагировалась, даже не спрашивала ни у кого ее имени, чтобы не дай бог, не передали этой задаваке, что я ею интересуюсь. Но, как тогда, в случае непредвиденных обстоятельств, когда кричали достать пятилетнего Петьку с дерева, либо на крышу забрался соседский кот, я шла и делала первой, а вот такая девочка самоуверенная, смотрела во все глаза, как сейчас Рут, на меня, и чего-то хотела.

Я откинула одеяло, встала и прошла в ванну. Мои чулки, платье и нижние белье действительно высохли, и спасибо Рут за это.

На электричку я все же опоздала. Уже войдя в зону и вдоль периметра пройдя в МСЧ, снимая печать с двери, было ощущение, что чего-то не так в моей жизни происходит.

Открываю дверь.

- А вот и первый сюрприз, Ольга Александровна!

Позади меня стоял начальник МСЧ, смотрел туда же, куда и я.

– Ничего себе! – это уже Роза Хафизовна, санитарный врач ИК, поднялась на второй этаж, и конечно, мимо моего кабинета не пройти.

Регистратор Вадим, все дневальные столпились, заглядывая в кабинет.

Я пыталась держать себя спокойно, но то, что все увидели, это были мои проблемы, и мне надо их как-то теперь решить.

Глава 9

Тэд с Мартином встречали Рут у выставочного зала. Берг не собиралась задерживаться на встречу с администраторами выставки, поэтому перескакивая через ступеньки торопилась выйти из тоннеля метро на Красной Пресне.

Тадеуш Алонский, чех с русскими корнями, в отличии от своего «импресарио», так сам называл себя Мартин Сванш, хорошо говорил на русском.

– Учи, Мартин! Учи русский!

– Я могу понять. – коверкая фразы, будто неудачный гугл переводчик отвечал Мартин.

– Как сказал один мой большой знакомый, надо уметь думать на языке врагов.

– Где знакомый? Где враги?

Сванш оглядывался по сторонам. Врагов заметить он не желал, зато увидел Рут.

– Эй, девочка! Не мимо, не мимо! – Мартин помахал желтым шарфом, что снял недавно с шеи, готовый раздеваться, не войдя в выставочное помещение.

Рут подойдя, отдышалась, прежде чем заговорить с ребятами.

– Ты похожа на кролика, за которым гнались. – Алонский любил шутить.

– Ой! Оставь свой плоский юмор, Рут сама тату на ее плечо.

– Плече, надо говорить плече, а не плечо.

– Хватит спорить! Мартин, русские создают странные фразы, говори, как можешь. Мы пойдем. – Рут достала из сумки бумаги для администраторов выставки.

– Ты вообще где была? Так долго знакомилась с договором?

– Тэд, типа того, и лучше тебе не знать. Идем внутрь.

Долго пребывать в прострации я была не намерена, сделала шаг через порог своего кабинета и подойдя к столу, стряхнула пыль и часть штукатурки.

– Вадим, ночью землетрясение не прошло мой кабинет? – поинтересовалась я у регистратора.

Карпович покинул коридор, отправившись на очередную предпраздничную планерку в штаб.

– Сашенька, ты дневалил перед сном и ночью? – Роза Хафизовна, обратилась к своему любимчику дневальному.

Помощники ей были не положены, но хитрая молодая женщина нашла способ себе его создать. По нормам внешности чистокровной татарки, она достаточно красива, но вот умом, к сожалению, ее бог обделил. Очень любила мужчин в форме офицеров, пыталась заигрывать с начальником любого отдела при штабе, не обойдя и начальника МСЧ, но оказался ли хотя бы один шанс успешным я не уточняла.

Порой, Роза Хафизовна Фазлеева, пыталась найти со мной общий язык, приглашая выпить с нею чашечку кофе у нее в кабинете, но я старалась освободить себя от таких посиделок. Даже не столько потому, что нет времени, оно как раз есть, не так часто самоубийц на самом деле, а потому, что разговоры о мужчинах сотрудниках колонии, или как она страдалчески собирает в баночки палочкой неприятную грязь с ободка унитазов в отрядах, мне были не интересны. Собирать информацию о том, кто какой офицер и с чем его едят, это было по-бабски. А санитарные нормы чистоты туалетов осужденных, при наслаждении, пусть растворимого, кофе, совсем не айс.

Иногда Фазлеева начинала о женских нарядах, но я с детства не любила шопинги, что задумывалась над тем, что я какая-то неправильная женщина.

С медицинскими сестрами контакта Роза так и не нашла, и причина опять же в построении глаз офицерам ИК. Муж, Татьяны Таран, уже переваливший возраст сорока, но выглядевшую на все шестьдесят, медсестры, был заместителем начальника колонии. Статный, высокий, красивый подтянутый мужчина, что не скажешь о Татьяне. А, супруг, Чирковой Натальи, девушка моего возраста, вторая медсестра, служил в охране, офицером не был, но из солидарности к Татьяне, последняя игнорировала санитарного врача. У меня же, мужа не было, свободна от всех служащих мужчин ИК, поэтому оказалась единственным претендентом на дружбу от Розы Хафизовны, каким я старалась не являться.

В непонимании ее, как считала сама Роза, она нашла слушателя в лице дневального Сашеньки. Молодой человек, маленького роста, но крепкого телосложения, имел довольно детское личико и все время улыбался. Наблюдая за ним, я первый месяц считала его неразумным, этаких простым дурачком, потому что он мало говорил, только слушал и, как всегда улыбался, но потом осознала, что его поведение являлось странной защитой самосохранения проживания в колонии. Не удивилась бы, что именно он докладывает все авторитетам, да и Розе Хафизовне, которая в свою очередь сливает всю информацию не в унитаз туалетов осужденных, а тем самым офицерам с кем флиртует. Вполне допустимый факт, так как связи с осужденными в любой форме запрещались, а Фазлеева легко приглашала Сашеньку шептаться за закрытой дверью у себя в кабинете.

– Это Терентьева нужно спросить! – как-то слишком аккуратно выдал Саша.

– При чем тут Олег Васильевич?! – удивленно спросила Роза.

– Пошли в кабинет, ты мне нужен.

Еще через паузу добавила:

– Захвати баночки из ящика.

Роза Хафизовна ушла. Сашенька исчез за баночками, хотя я понимала, что Терентьева припшел не специально, а Роза Хафизовна просто очередной раз тупит, и любопытство, а не эти баночки от личного помощника, ее заставило ретироваться.

Вадим положил мне карту какого-то осужденного на стол. Андрей Валерьевич Таджиков, крупно на карте, обведено несколько раз ручкой, надпись бросилась в глаза.

– Это что? Один по этапу? Поступление?

Я ждала объяснений, но огромная дыра в стене сверху зияла как окно, кирпичи и штукатурка валялись на полу разбросанные по всему кабинету.

– Олег Васильевич вчера вечером положил в стационар. Палата за вашей стеной находится.

– А... так это? – я глянула регистратору в глаза, произнести вслух не решилась, чтобы не подставить парня под раздачу авторитета, решившего устроить себе отдых в стационаре.

Вадим только кивнул.

– Иди! Я разберусь.

Отпустив регистратора, взяла карту и закрыла кабинет. Кабинеты врачей располагались на первом этаже рядом с процедурным и лабораторией.

Терентьев нарколог, неудивительно, что у его кабинета очередь больше, чем к терапевту. Пройдя сквозь эту толпу осужденных, бывших наркоманов и дилеров, решительно открыла дверь в кабинет нарколога.

– Я выписал рецепт, вечером к медсестрам зайдешь за феназепамом.

Осужденный посещавший врача вышел. Следом ворвался другой.

– За дверью ждите. Доктор занят. – остановила я парня, что готов был присесть на кушетку. Недовольный вышел, закрыл дверь.

– Что случилось, Ольга Александровна?

Небольшое хрупкое телосложение, азиатская внешность. Откуда такая внешность при абсолютном русском имени? Может от матери!

– Олег! Что за новые поступления в стационар?

– Это о чем?

Я положила карту авторитета Андрея на стол перед Терентьевым.

– Вчера он был совершенно здоров! Даже посетил меня своим присутствием! Он же не твой больной. Он не наркоман, не алкаш какой-то. У него сто пятая и сто тридцать первая статьи! С чем ты его положил? Сколько он тебе отвалил или пообещал?

– Тихо. Тише! – Терентьев оглянулся по сторонам. Иногда мне казалось он сам глотает горстями этот свой фенотепам, что не притворяется совсем, и не стесняется быть тормозом.

– Если ты, не в курсе, то эти две статьи не относятся к наркотикам. Убийство и изнасилование. Какого лешего он у тебя лег в стационар? Ты видел, что сделано по его указке?

Олег оторвал кусочек от листа карты, скомкал бумажку и начал жевать.

– А что он натворил?

– Кувалдой что ли они орудовали. Пробили толстую стену в моем кабинете от своей палаты.

– А! Так он сказал, что ремонт в палате сделает.

– Какой ремонт? Пробить угол моей стены? Там толщина в три кирпича, была... Побелил бы стены. Покрасил. Стену для чего ломать? Поставить камеру из палаты в мой кабинет? Или прослушивать?

– Вирусная инфекция. Обычное ОРЗ. Я дежурил вечером, теперь вести его будет терапевт. – оправдался нарколог.

Сознаться в каких-то заинтересованностях у врача не было желания, а может его просто напугали чем, но что этот тип Андрей, лег с некой целью в больницу, у меня не было сомнений.

– На будущее, Олег! ОРЗ можно лечить амбулаторно.

Не успев выйти из кабинета Терентьева, туда уже влетел очередной недовольный пациент. По факту депрессий в зоне среди осужденных преобладает больше, чем тяга к выздоровлению наркомании.

Авторитету уже доложили о моем присутствии и возмущении, и конечно он не находился до этого в стационаре, так как его вип-палата будет готова к окончательному его прибытию еще дня через два. Во всю стоял запах краски и белил.

Андрей терся у моего кабинета в коридоре со своим оруженосцем, если можно было так назвать того вечно сопровождавшего.

– Ольга Александровна! Пришел посмотреть на проблему.

Мне хотелось сказать, что он сам сплошная проблема, но я не готова была вести с абсолютно здоровым мужиком диалог. Хотя бы для приличия чихнул, если простужен. Нет, не чихнул. Вспомнив сон, как Рут разнесла тир этому несчастному, жалела, что это был только сон.

Дневальные появились с ведром, щеткой и тряпками, убрать мусор в моем кабинете.

– Я все исправлю!

– Сам исправишь? – уточнила у Андрея.

– Пришлю ребят с отряда.

– Срок вам сутки. Пусть шестерки твои начинают, а ты не ходи не заражай здесь здоровых.

Перед носом авторитета я закрыла дверь.

Рут с парнями, довольные вышли из выставочного центра. Мартин жестикулируя стал перечислять перспективы в продвижении выставки.

– Девочка, я договорился на интервью на радио на третье мая. И после девятого с Тэдом, идете на прямой эфир.

– Я же просил в записи. Мне важно собраться к программе. – возмутился Тадеуш.

– Запись тоже есть, но под вопросом на какой канал.

– Прямой я могу присутствовать одна, не переживай Алонский.

– Да нет уж. Я буду. У нас выставка не только с твоими шедеврами.

Алонский потянул носом, учуяв запах свежее испеченных булок, предложил:

– Предлагаю перекусить.

Поддержав идею, троица вошла в кафе.

За столиком в ожидании официанта, Рут достала фотокамеру. Все интересные фотографии получаются без постановок, спонтанно! Необходимо лишь уловить момент.

На этот раз девушка заметила, как небольшая птичка пролетала под люстрами, щелкнула кадр запечатлев полет в пространстве кафе.

– Дай гляну! – Тэд потянулся к зеркалке Берг.

Сванш тоже заглянул в экран изображения.

– А новое еще покажи.

– Пару фотографий оставлю из новых. – Рут стала перелистывать память фотокамеры.

– Оу! Оу! Ты же не снимаешь постановок. Она спит? Где ты берешь кадры?

На экране Ольга, откинув одеяло в необычной позе, с взъерошенными волосами закрывающие половину щеки, застыла в сновидениях.

– Это не постановка.

Девушка убрала фотокамеру. Ольга не знает, что оказалась неожиданной натурщицей. Рут думала, как признаться в этом Оле. Фотография достойна присутствие на выставке, и желание оставить эту фотографию не просто в коллекции и на память, Берг хотелось воплотить.

Глава 10

– Куда ты? Не ходи. Оля!

Ленка дернула меня за руку, но я не могла смотреть на напуганного воздушного змея. Он свисал с моста в реку зацепившись хвостом. Рядом нервно покрывался пятнами его маленький хозяин, шестилетний Сашка.

– Меня мать убьет. Я не пойду домой.

Ребенка пытались подбодрить и успокоить, но я уважала сейчас этого малыша за то, что не ревет и не бьется в истерике. Старшие мальчишки в окружении той самой в белых кроссовках смотрели в реку. Темные воды с небольшим течением совсем не привлекали. На улице не по-летнему прохладно, плавать никому не хотелось. Да, и середина реки довольно глубокая, от берега не всякий взрослый доплывет. Два года назад, говорят, что тут потонул баркас с рыбаками, и даже писали в газетах об этом. Я, конечно, ни с какими фактами не знакома, приходилось только верить в эти рассказы, но от этого в данный момент легче не было.

Маленького Сашку мне стало жаль, его родители действительно побивали часто ребенка за любой случай. За то, что упал и разбил коленку, за грязную рубашку, за пять копеек, потерявших по дороге с магазина. Воздушный змей был подарком ему на день рождения от дяди, брата его матери. Не смотря, что подарок Сашкин, за такую редкость и диво-дивное могли свернуть родители шею, что не ценит и не уберег.

Хвост зацепился за нижнюю балку моста, в метре от бетонного основания, и рукой дотянуться, даже сквозь щель между ограждением и этим основанием не получится. Мне относительно повезло, что последний раз, оторвала подол юбки у платья залезая на дерево, и наконец впервые в жизни мне купили эти джинсы. Что говорить! После свободных юбок и платьев они оказались не совсем удобные. Обтягивающие мою круглую попу, мне так казалось, они к тому же вызывающе смотрятся. Но сейчас, в самый раз нужны были штаны, чтобы перелезть ограждение и попробовать достать этот хвост печального напуганного змея. Лицо змея смотрело на меня огромными зелеными глазами и алый открытый рот искаженно улыбался, в чем я не видела и близко радости.

– Отпусти. Все будет хорошо.

Ленка отпустила мою руку и доверилась мне. Сказала если «все хорошо», значит «все хорошо»! На тот момент, Лена, девочка из соседнего района, считалась моей лучшей подругой. Именно с ней, я могла говорить на те темы, какие бы ни за что не рассказала сестре, не родителям. Упитанная физически сильная девчонка, была на голову выше меня. Хотя среди всех присутствующих, ниже меня был только Сашка. А единственным с меня ростом был рыжий Максим, но старше на пару лет. Коренастый уже молодой парень с кудряшками нравился Ленке, что в наших с ней разговорах, его имя упоминалось тысяча пятьсот раз в разных интонациях.

Высоты никогда не боялась, такого не сказать о реке. Плавать не умела, и на что меня хватало это на звездочку у берега. Да. Меня кто только, и как не учил плавать, но, если мои ноги не достают дна, моя паника перестает держать меня на воде, и я всегда тону, что доброжелатели оставили затею меня научить быть дельфином.

Перелезая через ограждение, услышала возглас той самой в белых кроссовках.

– Она куда? Сумасшедшая?!

– Я говорил, что плохая идея. Предупреждал. Она полезет.

– О, черт!

Присев на той стороне ограждения рядом с балкой, я поняла, мои руки лишком короткие дотянуться до хвоста. Сандалий соскочил с ноги, пряжка зацепила проволоку, откуда-то торчащую из неровности бетона, полетел вниз.

«О, черт!» – это уже подумала я, на свой потерявшийся сандаль, и стянула второй, отправила туда же следом.

Босиком на шероховатой поверхности стоять оказалась легче, но больно. Зацепившись за трубу, повисла над пропастью реки, я уже не слышала голосов, только течение этих темных вод. По этой трубе перехватывая руками продвинулась ближе к змею. От не профессионализма, отсутствия физических тренировок, грязной и ржавой трубы, руки быстро устали. Мыслями была уже со своим физруком, который мне автоматом ставил тройки, уверенный, что мне и так сойдет, и куда уж мне до сдачи ГТО, школу бы не с двойкой по физкультуре закончить. Сейчас я была с ним солидарна как никогда. Ну, не люблю я физкультуру, никогда не любила! Не понимала я, зачем мне нужно так гробить свое тело и соблюдать, кем-то, зачем-то, придуманные нормативы.

– Руку дай! Оля, дай руку!

Высокий красивый голос с чуть заметным акцентом звал меня, но поднять глаза и повернуть свое висящее под мостом тело, я оказалась не в силах. Наконец я ухватила этот несчастный хвост и змей поднялся в небо. Сверху голоса восторженных мальчишек, а тут в настоящем, силы покинули, я полетела в воду.

Пятница. Сегодня первое мая, наконец-то мой выходной и по желанию могла бы отдыхать все законные установленные выходные. Звонок раздался неожиданно. Телефон издавал мелодию, которая дала информацию о неизвестном мне номере. На каждого, с кем приходилось часто общаться, я давно поставила опознавательный звонок, этот же был тот, кому я по сути не должна бы нужна, но телефон не прекращал звонить.

– Ольга Александровна?

– Я слушаю. Кто вы? – стоя в одной огромной футболке заменяющую ночную сорочку просыпалась, разглядывая в зеркале свою кошку, которая сидя на балконном ограждении наблюдала за птицей.

Я не видела, что за птица, лишь слышала ее чириканье, но никак не ожидала что у моей Машки такая реакция. Дернув лапой, она зацепила бедную птичку, и трепещущую в кошачьих клыках, унесла на кухню под скамейку.

– Минутку!

Я бросила трубку на кровать и рванула за кошкой.

– Быстро выпусти. Бессовестный зверь.

Было поздно. Машка довольная своей охотничьей реакцией отошла от птички, прыгнула на скамейку и наблюдала как я взяла в руки задущенное божье создание.

– Только этого мне не хватало.

Разделять и кушать птицу кошка не собиралась, просто потренировала свой охотничий инстинкт. Я никак не могла знать, что в роду моей мадмуазель серой в тигриную полоску были

птицеловы или крысоловы. Что вот теперь делать с птицей? Кинув ее с балкона, вытерев наспех руки, снова взяла трубку, но с мыслями, что может надо было похоронить в коробке с почестями и цветочками. Москва, никаких садовых лопаток дома я не заводила, коробки из-под обуви выбрасываю сразу, не люблю мусор. Сейчас главное, чтобы совесть не мучила за убийство птицы моей кошкой. Хозяин отвечает за агрессивное поведение животного, но милая Машка, как ни в чем не бывало устроилась на кресле и умывала свою довольную морду лапой. Да уж! Машку точно не мучает совесть, да и на собаку-убийцу она далеко не тянет.

– Я вас слушаю!

– Ольга Александровна? У вас там все в порядке?

Голос начальника МСЧ прозвучал с таким недовольством, будто это не он, а я его разбудила в выходной.

– В полном. А у вас?

– А у нас в квартире газ! – засмеялся Карпович.

– У меня электричество. Так чем я обязана в такой хороший день?

– Завтра выйди подежурить.

– Как это подежурить?

Вопрос о дежурствах для меня никогда никем не стоял. В выходные в МСЧ всегда по очереди дежурили врачи, и уже не важно аттестованные или неаттестованные.

– Терентьев с семьей сообщил во Владимир свалил. Фазлеева, как врач опасна. Терапевт и Фтизиатр дежурят третьего и четвертого.

– Дроздов у вас еще есть. Рентгенолог.

– Не вышел сегодня, мне пришлось в зону ехать. Я сейчас вместо него. Что не знаешь, он пьет. Теперь дня на три в запое и отходняк.

– Вадим Абрамович! Я не ваш сотрудник.

Птица вылетела у меня из головы, туда поселились Терентьев с Фазлеевой, да и вся МСЧ уже. Терентьев по ходу струсил, авторитеты явно его чем напугали и торчать одному в МСЧ на втором этаже ему не очень захотелось. Фазлеева? Чем она опасна? Если только, ее связи с осужденными, типа Сашеньки принимают все-таки за флирт, а терять санитарного врача ИК не хочет, и просто закрывает на это глаза, вот и не признали ее квалифицированным дежурантом.

– Оль, ты у нас умная, и в медицине понимаешь побольше Розы Хафизовны. Ты же офицер, скажи спасибо за твои полгода первое дежурство.

Я сделала паузу прежде чем ответить.

«Хорошо бы оно это дежурство было единственным, а не первым!» – думала я. Авторитетов совсем не боялась, после того, как они реально за четыре часа мне заделали дыру, отштукатурили, а вчера даже перед моим уходом покрасили окна, дверь, чтобы запах краски выветрился за мои выходные. Фазлеева даже позавидовала, что это единственный кабинет теперь со свежей косметикой. Ремонта в МСЧ не было лет десять. Красить я не просила, распоряжение Андрея исполнялось не по моим предпочтениям, но я почувствовала, что плохого мне точно никто не сделает из сидящих в зоне, и теперь валяющихся в МСЧ. Правда закралась мысль, что Андрей узнал графики дежурств и потребовал у Терентьева свалить с вычислением того, что мне могут отдать дежурство, может и оплатил ему этот день, у авторитетов имелись полномочия, принятые ими самими. Внутренних законов внутри зоны, среди проживающих там, я не знала, но интуитивно, и как психолог, уже понимала, где, что, и у кого какие возможности.

– Хорошо! Только можно меня не будут задерживать на КПП, я дежурить, а не прохлаждаться два три часа в ожидании какого-то сотрудника мужского пола.

– Я предупрежу, тебя встретит какой-нибудь из отряда начальник, кто дежурит. Можешь к десяти приехать и до пяти вечера останешься в Ординаторской. От твоего кабинета селитрой несет, но дверь я потрогал, высохла.

– С праздником, Вадим Абрамович!

Я отключилась, не дождавшись ответного поздравления, чтобы не вызвать еще ряд диалогов по другим темам. Посмотрела на Машку. Последняя разлеглась пузом кверху в ожидании, что ее по нему погладят.

– Ты наказана! – утвердила я вердикт кошке и отправилась в душ.

Рут с Вольдемаром зашли в квартиру после прогулки. Берг не видела Ольгу три дня, и надеялась, что та, зная адрес придет за это время, но та так и не появилась. Вчера в разговоре с Максимом Прониным по телефону, решила узнать телефон.

– Рут! Адрес не у меня, в кадрах. Телефон в СИЗО имеется. Сейчас скину. Ты можешь спокойно передвигаться по городу, но твою жертву держать в больнице долго не будут. Крепкий парень. Не думаешь, если тебе отомстит?

– Не-а... Пусть попробует.

– Наверное ты права. Стороной тебя будет обходить. Ты больше свои когти не выпускай. В России находишься.

Рут засмеялась.

– Четырнадцатого мая открытие выставки. Приглашения после пятого из печати выйдут, передам.

– Не обещаю. Но приглашения не пропадут. Присылай.

Сейчас Берг просматривала все сообщения, которые наплывом пришли от друзей из Швеции и других стран, где достаточно она как фотограф побывала. Сообщение Максима было коротким, но важным для Рут. Десять цифр номера телефона. На часах девять утра, Сванш возможно проснулся, в отличии от Тэда. Девушка набрала Мартина.

– Привет, золотко! Какие планы на сегодня?

Голос Мартина как всегда бодр, но от этого нового понравившегося Сваншу слова «золотко», где-то услышанного, не иначе в гей клубе Москвы, Рут передернуло, как от слишком приторного пирожного. Из сладкого она любит только шоколад, и тот предпочитала горький.

– Мартин, не называй меня только «золоткой», умоляю.

– Хорошо, хорошо, девочка! Так что там у тебя?

– Ммм... Ты мне скажи, как подружка или друг, как заинтересовать девчонку так, чтобы она провела с тобой выходные?

– Ну, не знаю, не знаю! Маленькая что ли девчонка?

– Красивая!

– Это не та самая спящая красавица в твоей камере?

– Ты экстрасенс Сванш? Я тебя совет прошу, а не угадыванию по звездам.

– Я угадал значит?! Интересно!

Пауза длилась секунды. Рут знала, что Мартин даст дельный совет, поэтому ожидала с терпением.

- А как ты ее тогда сняла?
- Черт! Она не в курсе, и сейчас не об этом.
- Ну, Ок! Какие у нее слабые стороны? Ты что о ней знаешь?

Берг задумалась. Какие у Ольги слабые стороны? Альтруистка с рождения, всех и все пытается спасти и привести в движение. Может, если бы не это ее качество, то и не встретила бы на платформе в момент задержания. Рут до сих пор не могла понять, Ольга узнала ее или нет? Ведет себя слишком по-свойски, даже слишком просто, но со слов Пронина, это ее нормальное поведение ко всем абсолютно.

- Она бросается всех спасать!
- Оо!.. Тогда слушай!

Глава 11

За уборкой не заметила, как прошло время. Маленькая соседка Кира периодически забежала за последние три часа и задавала вопросы, которые к первому мая не особо имели отношения.

- Чем отличается ВИЧ А от ВИЧ В?
- Тем же, что и Грипп А от Гриппа В.
- Это чем?
- Клеткой.

Затем, проходило минут десять, снова появлялась и спрашивала.

- Оль, а какой врач лечит сосуды?
- Терапевт, сосудистый хирург, флеболог.
- Ага.

Исчезла опять минут на пятнадцать и прибежала с новым вопросом, что я уже отказалась закрывать входную дверь на замок.

- Оль, а верблюд без горба, как называется?
- Я не поняла, ты биологом собралась быть, врачом, или кроссворд отгадываете?
- Ну, кто это?
- Если это кроссворд, то скорее всего лама, вигонь, или окапи.

Кира не объяснив, чем она занимается, снова свалила на улицу.

Вешая белье на балкон, слышу снизу кричит:

- Оль, а как презерватив по-другому называется? Гандон, да?!

Я чуть не упала от неожиданности, бабульки на скамейке открыли рты, одна стала косынку на голове поправлять, будто сейчас какой-нибудь мужичок мимо пройдет, и надо хорошо выглядеть. Если была бы помада, то глядишь и губы накрасила.

- Я с третьего этажа таких слов орать не буду. – крикнула я подростку.

Через минуту Кира стояла у меня дома в прихожей, пила воды из кувшина.

- Ты сумасшедшая. Разве можно такие слова кричать?
- А чего тут такого?
- Бабки сидят слушают, а если у кого оргазм случится?
- Не инфаркт же. Пусть просвещаются.

Пустой кувшин поставлен на тумбочку, руками вытерла губы и спросила меня:

- Ну, и? Я угадала?
- Кондом он называется, а не то, чем ты там всем день сделала.
- Отлично!

Девчонка открыла входную дверь, выскочила на площадку. Из открытого балкона слышу на всю улицу, чтобы бабульки слышали, кричит:

- КОНДОМ!..

Моя Машка от крика Киры слетела с подоконника балкона и уронила фиалку. Пластиковый горшок перевернулся, вся земля высыпалась на пол и подоконник вместе с корнями, и расцветающими сиреневыми цветами.

– У тебя чего дверь не закрытая? В селе живешь что ли?

Соседка, мать Киры, Наталья стояла на пороге комнаты. За грохотом созданным кошкой, совсем не слышно оказалось, как в квартиру кто вошел.

– Привет! Твоя бегает, не в курсе чем они там заняты? Что за викторина вопрос-ответ?

Я собирала в цветочный горшок землю, пыталась спасти фиалку.

– К этой из тринадцатой парень приехал, умник. Вот он там вроде устроил какие-то игры в «Что? Где? Когда?»

– Представляю если такие вопросы знатокам в программе задавали бы! – я засмеялась.

– А что за вопросы? Я только про резинку слышала. Кстати, с бабой Варей пару дней назад поспорили, на счет нашей колдуньи. Думали тебя на разведку отправить, а ты дома не ночевала.

Цветок был мной спасен. Я умыла руки.

– Два дня назад я дома ночевала.

– Значит раньше. Не было дома один раз тебя. Нашла кого-то? Ночевала у него?

Разговор мне не особо нравился, но если не общаться с соседями, то слухов будет куда больше.

– Наташ, я одной женщине помогала. Дождь был и поздно возвращаться домой опасно. Никаких любовников не завела, да и времени на них нет.

– С этим согласна! Ты слишком загрузила себя. Может устроим завтра пикник? В парке расположимся. Тепло. Я смотрела дождя не будет. Мясо замариную на шашлык.

– Мне дежурство поставили. С зоны часа два добираться. Дома дай бог в восемь вечера буду.

– Тогда третьего. Ты не против? Позовем эту с тринадцатой, и ее сына или племянника, кто девчонкам мозг сейчас склеивает вопросами.

Не успела я ответить, с улицы кричит Кира:

– Оль, а что такое «петтинг»?

Я выглянула с балкона, Кира стояла не одна. С ней еще пару малолетних девчонок. У соседнего дома на недостроенной детской площадке сидят парни, с тем самым понтоющим умником. Он выделялся на фоне всех наличием темной синего цвета банданы и черной кожаной курткой. Бабульки снизу смотрели на меня, тоже ждали ответа.

– Оль, ну скажи?! – умоляюще просила девчонка.

– А ты в гугл не пыталась заглянуть? Тебе крутой телефон зачем нужен был?

– Пыталась. Не выдает. Выдает какую-то контору Петёринг. Сельскохозяйственная техника.

– Не правильно забиваешь. В слове «петтинг» две буквы «т».

– Ааа...

Я прикрыла балконную дверь, чтобы снова Машка не дернулась от очередного крика Киры, и не заставила меня опять сажать цветы.

– Мальчик явно девчонок соблазняет! И бабулек в придачу!

– А что такое «петтинг»? – Наталья в недоумении задала тот же вопрос, что и до этого ее дочь.

– Наташа, знаешь! А давай, третьего устроим пикник. Посмотрю я на этого умника, пока он тут малолетним девчонкам башню не снес.

Сванш разбавлял гипс в воде. Тэд ходил взад-вперед в большой комнате, гостиной у Рут.

– Что за идиотская идея. Кому пришла в голову такая мысль?

– Алонский, да успокойся уже. Ольга точно на это поведется. Она с детства такая, что по мне, так идея Мартина идеальна.

Берг в бриджах цвета хаки сидела на диване, закинула ноги на пуф. От прозвучавшего имени своего «импресарио» Тадеуш, и без того розового оттенка от неодобрения наложить Рут гипс, порозовел сильнее.

– Мартин? Мартин? Ты где Мартин вчера гулял?

– Тихо. Я не твой мальчик! Я прекрасно провел вечер, мы были в ресторане, ездили по ночной Москве на байке, встречали рассвет. Рут, ты готова?

– Давай! – девушка приподняла штанину над коленом правой ноги.

Алонский остановился, посмотрел на Мартина.

– Какой байк? Ты боишься быстрой езды, высоты, ты всего движущего боишься!

– Ладно! Ладно! Приукрасил немного. Не было байка. Но рассвет мы встречали.

Сванш поднес влажный бинт к правой голени Рут и стал наматывать.

– Рассвет в Москве смотрели с Останкинской башни?

– Апартаменты в Сити, ты просто завидуешь. Девочка, не больно?

Берг улыбнулась.

– Я же не сломала ногу, приятно даже.

– Вот лучше приятно, а Тэд не любит приятно. Тэд любит женщин.

Рут на этот раз засмеялась.

– Слышишь, Алонский? Мартин прекрасно адаптируется в России. Ты сам вчера чем занимался?

Алонский, немного полноватый мужчина, присел рядом с Рут на диван.

– Чем я занимался? Я ходил туда-сюда. Туда-сюда. Туда-сюда. Думал его избили, обокрали, изнасиловали, а он трубки скидывает.

Рут смотрела на своих двух друзей, и пыталась понять, что между ними происходит. Тэд не мог долго без Мартина, но когда они вместе, то постоянно тот его раздражал, при этом всем. Сванш терпеливо сносил все шутки, сарказмы, обвинения и недовольство Алонского в свой адрес, хотя Рут давно бы Алонского послала за это в ее сторону далеко и надолго.

Может не такой уж натурал Алонский? Эти терки между друзьями, как искры от молний напоминали страсть, только до постели у них так и не доходило. Тадеуш продолжал рьяно считать себя джентельменом и натуралом, Мартин продолжал провоцировать и вызывать эмоции у Алонского. По-своему она любила их двоих. Мартина за ум, отзывчивость, хорошие идеи и советы, он был сразу всем, другом и подружкой. Тэда! За творчество, за заботу, за знакомство с Мартином.

В комнату заглянул Вольдемар. Мартин в этот момент увлеченно намазывал раствором гипса бинты, и рычание огромной собаки его напугало.

– Ой! Да не трону я Рут. Не трону. Не ревнуй.

Пес развернулся и исчез из видимости.

– Тэд, подай телефон, пожалуйста! На столе на кухне.

Алонский неохотно поднялся и вышел в след за Вольдемаром.

– Сванш, мне показалось, или Тэд тебя ревнует?

Мартин улыбнулся и наклонившись к уху Рут, тихо сказал:

– Не показалось. Однажды сдастся.

Алонский вернулся, протянул телефон девушке. Рут набрала номер из текста сообщений.

– Привет!

Неожиданности и сюрпризы продолжались. Проводив Наталью, готовая наконец почитать книгу, вновь телефонный звонок не определяющий постоянных контактеров. Моему удивлению не было предела, это оказалась Рут. Нет, я не забыла о ней, но и в мыслях не думала еще раз встретиться. Берг имела свою личную жизнь, у меня своя, и встречи общие в мои графики и проекции не входили. Сообщив, что сломала ногу катаясь на доске, попросила приехать и помочь с Вольдемаром. Я не смогла ей отказать, мой выходной оказался таким же, как и предыдущие, принадлежал не мне любимой.

Проходила мимо наших местных бабушек у подъезда, меня остановили.

– Оля, а что такое «петтинг»?

– Мм... это секс тетя Лиза!

После этого я быстро удалилась, чтобы следом не дай бог, не прозвучал вопрос: Чего такое странное название у секса, или вообще, что такое «секс»?

Глава 12

«Бедная Рут!» – сочувствовала я, глядя на загипсованную ногу. Берг сидела, облокотившись на спинку кресла и нога ровной толстой клюшкой распласталась, загораживая проход между столом и самой Рут. Гипс застыл неровными пластами образовав горы, реки и буераки, что хотелось разукрасить этот гипсовый район выделив на нем поля, холмы и даже деревни.

– Какой коновал тебе гипс накладывал?

– А...Э...в травме.

Рут странно бледнела и покрывалась пятнами, что я перестала ее допрашивать, где и при каких обстоятельствах все это случилось. Да и первого мая вполне мог быть пьяным этот лечащий врач наложивший гипс, а может чувство юмора у него не занимать.

– Спасибо, что пришла. Не отказала в помощи.

Я присела на диван. В ногах расположился самый огромный по мне и самый лохматый пес в мире.

– Да не за что. Я ничего и не сделала. Может ты есть хочешь? Приготовить что-нибудь?

– М... ты вино будешь? – осторожно поинтересовалась хозяйка этого шикарного дома, и добавила. – Праздник все же!

– Ну хорошо! В холодильнике?

– Там закуски всякие есть. Салат. Принесешь?

Я не заставила себя ждать и отправилась на кухню. Холодильник действительно завален овощами и фруктами. Колбасу и сыр в нарезке я выложила на найденное в столе большое блюдо, пока нарезала овощи для салата, слышала, как в комнате звенели фужеры и гроыхнула дверка скрытого бара. Нисколько не сомневалась, что в гостинной имелся собственный бар, его просто не могло не быть в такой дизайнерской удивительной квартире.

На кухню заглянул Вольдемар, будто спрашивая: «Ты скоро?» А я нервничала. Какой-то внутренний голос меня останавливал и оповещал, что что-то не так. Что не так? Было не ясно! Вроде ничего такого, и у меня дома точно все выключено, закрыто, и Машка не успеет соскучиться.

В комнате зашторены окна, что конечно не могло заменить вечернюю обстановку из-за хорошего солнечного денька. Сегодня не тот дождливый день, когда я первый раз ступила в эту квартиру. На столе стояла откупоренная бутылка итальянского красного вина и два широких стеклянных бокала на тонкой ножке.

– Давай за тебя?

Рут разлила вино в бокалы и подала мне один.

– Мы же за первое мая!

– Вначале за тебя, а потом за первое мая. Я хочу выпить за встречу.

Берг стукнула своим стеклом по моему фужеру. Звон колокольчиком мгновенно разнесся нежным эхом в пространстве, странно передавая отголоском в моем уже и без того частом пульсе. Эти ранее вопросы себе о том, что что-то не так, перестали досаждать после глотка сухого красного.

– Так чем ты занималась все это время?

Акцент после вина у передо мной сидящей девушки настолько стал выраженным, что я сразу вспомнила Литвинову с её «красной шапочкой». В данном случае этой «красной шапочкой» из присутствующих являлась я.

– Убиралась, спасала цветок. – еще хотела добавить, что спасала Киру от одного умника и просвещала бабулек на лавочке в плане новых интимных словечек, но вовремя опомнилась. Сейчас я считала себя ответственным человеком рядом с больной женщиной, и откровенничать означало довериться. Я не вдавалась в анализ, какую роль в настоящее время играю, родителя, врача, сиделки, либо все-таки друга, но ответственность за Рут ощущалась.

– Кто бы мне убрался. Вот на люстре паутина. Я как приехала, так и не бралась за тряпку.

Паутина действительно откидывала тень на стену, не так чтобы ее было много, сразу и не заметишь, но тонкие клейкие нити, запылившиеся свисали рваными клочками. Я посмотрела на Рут и на ее несчастную ногу, и конечно не могла допустить, чтобы девушка проживала под сводом этой начинающей меня раздражать паутины. Любить порядок и чистоту научила меня еще бабушка, которая от нечего делать каждый день протирала пыль и полы влажной тряпкой. Убираться у Берг в квартире я не собиралась, но паутина меня раздражать начала конкретно, лучше бы Рут мне ее не показывала.

– Сейчас её не будет.

Я вскочила и отправилась за тряпкой в ванную. Швабры так и не нашла, зато нашла довольно чистую бывшую наволочку, приспособленную Рут вытирать ноги. Намочила, выжала, вернулась в комнату. Рут, как-то странно резко откинулась спиной на диван, будто чего натворила, тут же сделала беспечное лицо, что прочитать по нему что-то достаточно сложно. Как клинический психолог, проходящая практику и с детьми в том числе, именно это меня насторожило. Рут сейчас вела себя как нашкодивший ребенок, скрывающий улики, во благо избежать наказания.

«Надеюсь ошибаюсь!» – подумала я, но на всякий случай взглянула на стол и в радиусе от этой синеглазой девушки, где только могла достать Рут своими щупальцами. По моей зрительной памяти никаких изменений не найдя, залезла на стул. Потолки в этом доме не очень высокие, не сталинская постройка, а люстра крепилась на длинной металлической цепи, что достать паутину оказалось просто.

– Стой! Не двигайся. Не шевелись даже.

Голос Рут прозвучал угрожающе неожиданно, я замерла с тряпкой. Опускаю осторожно взгляд на Берг.

– Что?

– Паук! Он опустился тебе на плечо.

Я закричала, пытаюсь смахнуть с себя то, чего сама не видела. До ужаса боюсь насекомых, особенно пауков. Они конечно маленькие твари, но неприятность что по тебе кто-то передвигает своими членистоногими шестью-восемью лапами, было сравнимо с самой кошмарной моей фантазией.

Бросив тряпку, слетев со стула, чуть не наступив на наблюдавшего за мной своими черными глазищами Вольдемара, рванула к Рут.

– Убери, убери скорее с меня этого... этого.

У меня реально началась паника, и бедная Рут должна была бы пожалеть о том, что напугала меня, но она как ни в чём не бывало спокойно сидела и улыбалась. Нет. Она конечно

подвинулась ближе и осмотрела меня, но кроме как вручить мне вновь бокал с вином ничего не предприняла.

– Ты его смахнула, наверное. Ничего, Вольдемар найдет его бегающего по комнате и раздавит своей лохматой лапой. Выпей вина и успокойся.

Я еле сдерживала слезы, поджала ноги, чтобы этот паучище не забрался с пола мне по ногам, и сделала глоток.

– Так не пойдет! Пей все. До дна. Так ты не успокоишься.

Рут рукой придерживала бокал, вино в котором мне пришлось выпить всё как лимонад. Мне полегчало. На какой-то миг действительно я расслабилась и стало приятно, хорошо и спокойно.

А дальше, я перестала контролировать. Захотелось поцеловать Рут. Последняя сидела на опасном для меня расстоянии и невероятное желание исходило от нее. Берг как-то смело схватила меня за запястье и посадила себе на колени. Мне совсем не до ее несчастной ноги, да и ей похоже тоже. Я забыла про этот гипс, ответила ей поцелуем. Глубоким, нежным, сладким, и в тоже время приятным кисловатым винным вкусом винограда и граната.

– Оля. Олечка. Ты такая вкусная. – шептала Рут, целуя меня уже в шею и поднимая мне джемпер, оголяя живот. Освободив меня от красного теплого джемпера, продолжала покрывать меня поцелуями.

Желание обладать ею стало настолько сильным, что я расстегнула ее рубашку, этот ненадежный лифчик не оказался мне преградой, в отличие от Рут, которая пыталась справиться одной рукой с моим замком. Рубашка Берг упала на пол и из кармана выпал блистер дженерика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.